

Мусорный прибой

Автор:

Чэнь Цюфань

Мусорный прибой

Чэнь Цюфань

Мими тонет в мусоре. Она работает на Кремниевом острове, где электроника – от сотовых телефонов и ноутбуков до роботов и бионических конечностей – отправляется на переработку. Отходы скапливаются и загрязняют каждый свободный дюйм земли. На этом острове у берегов Китая плоды капитализма и культуры потребления находят свой конец. Тысячи рабочих-мигрантов, таких как Мими, заманиваются на Кремниевый остров обещаниями стабильной работы и лучшей жизни. Назревает конфликт между безжалостными местными бандами, борющимися за власть. Экоотеррористы «раскачивают лодку». Американские инвесторы жаждут прибыли. Когда эти силы сталкиваются, вспыхивает война – между богатыми и бедными, между традициями и современными амбициями; между прошлым человечества и его будущим. Мими и ей подобные должны решить, останутся ли они пешками в этой войне или вообще изменят правила игры.

Чэнь Цюфань

Мусорный прибой

© Новыш М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Примечание

относительно языка (языков) книги и имен персонажей

В книге «Мусорный прибой» используются различные языки и диалекты (хотя более правильно будет называть их тополектами) китайской языковой семьи. Коренные жители Кремниевого Острова говорят на диалекте Шаньтоу (также известном под названием «Суатоу»), который, в свою очередь, является разновидностью Чаошаньского диалекта, относящегося к Нань Минь – южно-миньскому диалекту китайской языковой семьи, в который также входят Сямыньский, Тайваньский и Хок-Киень.

«Мусорные люди», мигранты из менее развитых экономически провинций Китая, принесли с собой собственные диалекты, по большей части относящиеся к Мандарину, или Пекинскому диалекту, однако между собой, а также с коренными жителями острова они разговаривают на Современном Стандартном Мандарине, общем языке современного Китая.

В дополнение к этому, поскольку Кремниевый Остров находится в провинции Гуандун, неподалеку от Гонконга и Гуанчжоу, многие обитатели острова понимают и до определенной степени могут разговаривать на Кантонском (особенно на его гонконгском диалекте) и знакомы с Кантонской (в том числе и гонконгской) культурой.

Люди с определенным уровнем образования могут также приукрашивать свою речь культурными аллюзиями и словами из классического китайского литературного языка.

Подобное лингвистическое разнообразие, являющееся для многих китайцев частью повседневной жизни, ставит непростую задачу перед тем, кто берется за перевод подобной книги для англоязычного читателя. К сожалению, западные СМИ обычно уделяют внимание только Современному Стандартному Мандарину и Кантонскому, двум наиболее известным членам обширной семьи китайских языков, и в силу этого достаточно сложно оценить все многообразие опыта нахождения в куда более многоцветной языковой среде. В китайском аккуратно обходят проблему столь значительных различий между вариантами китайского языка, называя каждый из них фанъянь, буквально – «местный говор». Я использую для обозначения этого понятия научный термин «тополект»,

воздерживаясь от употребления неточного понятия «диалект».

Я максимально ограничил использование в данном переводе китайских слов и фраз в целях удобочитаемости. Чтобы передать колорит использования различных вариантов языка в речи, в некоторых местах я привожу фонетическую транскрипцию слов Чаошаньского тополекта, а в сносках даю полную транскрипцию с тоновыми знаками. В тексте есть лишь одно исключение из этого правила, когда тоновые знаки специально приведены, чтобы показать разницу между Чаошаньским и Мандарином. Слова, попавшие в английский язык через Кантонский, такие как дим-сум или хакао, или через Мандарин, такие как фэншуй, или даже японские, такие как нори, приведены в привычной для англоговорящего читателя форме. Безтоновая транслитерация пинин на основе Современного Стандартного Мандарина используется также для литературного китайского и в современных неологизмах, таких как шаньчжай, которые, возможно, уже находятся на стадии проникновения в английский лексикон.

Китайские имена в целом приводятся в написании через безтоновый пинин, так, как они читаются в Мандарине, сначала пишется фамилия, а потом имя, по установившемуся китайскому обычаю. Исключение делается для имен персонажей родом из Гонконга, которые приведены в фонетической безтоновой транскрипции Кантонского, сначала имя, а затем фамилия, соответственно западной традиции, укоренившейся в Гонконге.

Кен Лю

Пролог

Тучи мчались на юго-запад, будто взбудораженные кони. Тайфун Саола, в трехстах километрах от берега, приближался к Гонконгу.

Двигался легкой поступью и хаотично, меняя направления, оправдывая свое имя.

Образ грациозного животного, ныне оставшегося лишь в виде пикселей в базах данных и чучел в музеях, на мгновение промелькнул перед мысленным взором

Суг-Йи Чю-Хо.

Название «саола» (научно называемого *Pseudoryx nghetinhensis*) происходило от слова из языка Дай, вьетнамского. Ученым пришлось целых восемнадцать лет ждать, со времени обнаружения необычных черепов до первых сообщений от крестьян, увидевших животное живьем; а спустя пять лет вид был признан вымершим.

Щеки саола покрывали белые полосы. За длинные прямые рога, слегка загибающиеся назад, животное прозвали «азиатским единорогом». Оно обладало самыми крупными среди ныне живущих млекопитающих пахучими железами – сыгравшими не последнюю роль в его вымирании. Во вьетнамском и лаосском фольклоре оно было символом удачи, счастья и долголетия.

А теперь все это выглядело как скверная шутка.

Чертовски холодно! Суг-Йи ухватила рукой за борт крохотного скоростного катера, а другой рукой получше запахнула куртку. Гонконгская Обсерватория дала предупреждение о тропическом циклоне уровня восемь, со скоростью ветра от 63 до 117 километров в час, с порывами свыше 180.

Да уж, хороший день я выбрала.

«Цветок мать-и-мачехи» летел, перепрыгивая с одного пенного гребня волны на другой, нагоняя грузовое судно «Долгое Процветание», контейнеровоз на 8000 двадцатифутовых контейнеров. Грузовое судно вышло из порта Нью-Йорка, зашло в Нью-Джерси, а затем пересекло Тихий океан. Оно шло к причалам Квай Цина, откуда его груз развезут по небольшим портам Китая.

Рулевой махнул рукой Суг-Йи, и она кивнула в ответ. От сильного ветра ее лицо стало совсем бледным. По внутренней стороне защитных очков бежали цифры. Цель снизила скорость до десяти узлов в соответствии с портовыми правилами, дабы снизить загрязнение воды и воздействие кильватерной струи на небольшие суда.

И дать нам хорошую возможность. Суг-Йи помахала руками членам команды, давая знак, чтобы все сохраняли готовность.

«Цветок мать-и-мачехи» набирал скорость, сближаясь с «Долгим Процветанием», и наконец оказался борт к борту с большим судном. Сбросил скорость, выравнивая ее со скоростью цели. На фоне огромного контейнеровоза длиной 334,8 и шириной 45,8 метра, построенного «Самсунг Хэви Индастриз», скоростной катер выглядел как прилипла у тела китовой акулы.

– Быстрее!

Голос Суг-Йи практически потонул в реве мотора.

Вверх взлетела, будто паутина по ветру, магнитная веревочная лестница. И тут же крепко прилипла к правому борту «Долгого Процветания», не долетев два метра до рейлинга. Низ лестницы был закреплен на скоростном катере, для устойчивости. Член штурмовой команды в полном снаряжении ловко полез вверх по лестнице. Лез лицом к борту, чтобы лучше цепляться за ступени лестницы закрепленными на ботинках крючьями и чтобы голова не кружилась от взгляда на волны, бьющие в борт судна.

Несмотря на его отличную подготовку, его швыряло туда-сюда, как насекомое, попавшее в паутину, от напора ветра и бьющих по катеру волн. Двадцать пять метров, совсем немного, казалось бы, но и очень много в таких условиях.

Быстрее, быстрее! С каждой секундой дурное предчувствие внутри Суг-Йи становилось все сильнее. «Цветок мать-и-мачехи» перехватил «Долгое Процветание» быстро и изящно, и экипаж грузового судна еще не пришел в себя, чтобы начать что-то делать. Но время уходило. Как только они выйдут на мелководье, окажутся в бухте, волны станут еще выше, и маневрировать станет еще опаснее.

– Ты все снимаешь? – спросила она молодую женщину, стоящую рядом с ней. Та нерешительно кивнула. Миниатюрная камера, закрепленная у ее уха, качнулась вместе с ее головой. Это ее первая операция. Суг-Йи знаком показала, что нужно стабилизировать камеру.

Шоу должно продолжаться.

Она усмехнулась. И когда только все переменялось? Когда она перестала презирать эту философию и стала ее верным приверженцем? Все это похоже на

«ненасильственные прямые действия», которые делают в «Гринпис» – ложатся на рельсы, чтобы остановить поезда, забираются на заметные места, нападают на китобойные суда, перехватывают составы с ядерными отходами... раз за разом, каждый раз все более дерзко, неустанно испытывая терпение правительств и мегакорпораций. Подобные действия уже принесли ее организации дурную славу, но они же и привлекли внимание общества к проблемам защиты окружающей среды и, возможно, поспособствовали принятию новых законов в этой области.

Достаточное оправдание, не правда ли?

Она вспомнила речь своего наставника, основателя Движения «Цветок мать-и-мачехи», профессора Го Цидэ, во время последней церемонии принятия в организацию новых членов.

Приглушили свет, и на огромном экране появилось изображение картины: трехмачтовый парусный корабль среди огромных волн, готовый перевернуться. Некоторые члены экипажа уже прыгают в шлюпки, оставляя других бороться за выживание на корабле. Контраст черной воды и белой пены на гребнях волн, броский.

– Эта картина называется «Крушение у Кента», ее написал в 1827 году Жан Антуан Теодор Гюдэн.

Голос профессора Го гипнотизировал и завораживал слушателей.

– Мир, в котором мы живем, – суть этот корабль. Он вот-вот погибнет. Некоторые уже спрыгнули в шлюпки, некоторые еще не осознали происходящего.

– Наше дело, здесь, в «Цветке мать-и-мачехи» – бить в барабаны и гонги, устраивать клоунады, глотать огонь, использовать любые уловки, чтобы привлечь всеобщее внимание. Мы должны сделать так, чтобы люди знали, что корабль вот-вот утонет, а те, кто ответственен за это, думают, что им это сойдет с рук. Если мы не привяжем их судьбы к нашим, именно нам придется расплачиваться за их ошибки.

Мысли Суг-Йи прервал резкий крик. Она глянула вверх и увидела, что у фальшборта «Долгого Процветания» стоят несколько членов экипажа. Они

пытались отцепить веревочную лестницу там, где она примагнитилась к борту, но, поскольку корабль строили из расчета максимальной площади палубы, для размещения контейнеров, борт уходил вниз под острым углом. Чтобы достать до лестницы, им пришлось бы перегнуться через фальшборт, болтая ногами в воздухе и рискуя свалиться. А еще им мешал сильный ветер, поэтому после пары безуспешных попыток они бросили это занятие.

Человек, висящий на лестнице, подымался все быстрее. Ему осталось меньше десяти метров.

С палубы «Долгого Процветания» ударила белая струя воды, прямо в него. Веревочная лестница болталась, как маятник. Руки лезущего соскользнули со ступенек лестницы, и он начал падать спиной вперед, к бушующим внизу волнам.

Суг-Йи прикрыла рот рукой, но не могла отвести взгляд. Девушка с камерой завопила.

Но парень не упал. Он повис в воздухе вниз головой: крюки на его ботинках спасли его в последний момент. Согнувшись в пояснице, он снова ухватился за ступеньки лестницы и продолжил подъем.

– Отлично! – крикнула ему Суг-Йи.

Члены команды «Долгого Процветания» продолжали поливать его из шланга высокого давления, будто пламя, распространяющееся вверх по веревочной лестнице. Куда большую, чем напор воды, опасность представляло то, что вода заливала ему рот и нос, мешая дышать. Но, к счастью, он был готов и к этому. Он опустил на лицо прозрачный щиток и бесстрашно продолжил свой подъем. Восемь метров, семь метров...

На лице Суг-Йи появилась улыбка. Казалось, она смотрит на саму себя в прошлом, когда она, юная девушка, брызгала на себя спреем с запахом саола, а потом втискивалась в переполненные автобусы, вагоны метро и на паромы, игнорируя сердитые взгляды и рассказывая всякому, кто соглашался слушать, про то, что этот драгоценный аромат, созданный ценой вымирания биологического вида, может превратиться в невыносимую вонь.

Бесчисленное число раз ее спрашивали: и что, стоило ли это того? Да, бесчисленное число раз отвечала она. Даже если весь мир воспринимает тебя как вздорную шлюху, привлекающую к себе внимание, если ты поступаешь по убеждениям, это того стоит.

Члены команды грузового судна выключили брандспойт. Может, что-то еще придумали?

– Они меняют курс! – крикнул капитан скоростного катера.

Суг-Йи прочла информацию, отобразившуюся на стеклах очков. «Долгое Процветание» сворачивало в сторону «Цветка мать-и?мачехи», одновременно увеличивая скорость до двенадцати узлов. Они пытались сорвать планы тех, кто на скоростном катере, одновременно не привлекая внимания портового начальства. Катер начал хаотично подпрыгивать на волнах, идущих от носа судна. Веревоочная лестница крутилась и болталась в воздухе, будто змея, а висящий на ней человек вцепился в нее изо всех сил.

– Увеличиваем скорость и меняем курс, – приказала Суг-Йи. – Держаться вровень.

Висящий на лестнице человек снова полез вверх. Изгибался всем телом, удерживая равновесие и раскачиваясь вместе с лестницей. Пять метров, четыре метра... будто опытный йог, идущий по канату посреди штормового моря.

Почти добрался. Суг-Йи затаила дыхание и начала считать про себя.

Следующей задачей юноши было преодолеть расстояние от точки примагничивания лестницы до края борта грузового судна при помощи присосок, продолжая уворачиваться от членов экипажа. Оказавшись на палубе, он должен был приковать себя цепью к контейнеру, на манер Гудини, желательно после того, как развернет где-нибудь на видном месте флаг движения «Цветок мать-и?мачехи», а потом дожидаться, когда появятся журналисты и чиновники Управления Охраны Окружающей Среды. В силу прецедента, когда шестерых активистов «Гринписа» освободили после их акции на электростанции Кингснорт, если движение «Цветок мать-и?мачехи» сможет выдвинуть «законное оправдание» для своих действий в защиту окружающей среды, то они не будут сочтены незаконными. Конечно, все зависит и от того, насколько точна та информация, которую они получили. По поводу того, что

контейнеры на судне, загруженные в Нью-Джерси и направляющиеся на Кремниевый Остров, содержат внутри себя так называемый «Дар Дьявола», токсичные отходы, могущие вызвать экологическую катастрофу.

Непростой план, но самая сложная его часть уже почти выполнена.

...два метра, один метр. Юноша наконец-то добрался до верха лестницы. Но не стал надевать перчатки с присосками. Вместо этого он покрепче ухватился за лестницу и принялся раскачиваться вперед-назад, будто маятник.

- Что он делает? - раздраженно спросила Суг-Йи.

- Томас... увлекается паркуром, - тихо ответила молодая девушка с камерой, продолжая снимать.

Значит, его Томас зовут. Нынче в организации стало очень много новых членов, молодых идеалистов с опытом в разных областях, и у Суг-Йи уже не получалось знать их всех по именам. Хорошо быть молодым. В большинстве случаев.

Томас продолжал раскачиваться, на ходу рассчитывая угол и расстояние. Ему придется отпустить лестницу в крайней точке траектории, прыгнуть вверх и развернуться в прыжке на девяносто градусов, чтобы ухватиться за край фальшборта. Для этого потребуются вся его сила, гибкость и сосредоточенность.

- Томас, прекрати! - закричала Суг-Йи. - Не прыгай!

Поздно. Она увидела, как молодое тренированное тело взлетело в воздух, казалось, на мгновение застыв на ветру, а потом медленно и изящно развернулось на четверть оборота. Его ладони хлестко ударили по фальшборту, стальные листы загудели, а его тело опустилось вниз, повинувшись тяготению. Ему оставалось лишь согнуть руки и напрячь пресс, выполняя идеальный гимнастический номер.

Суг-Йи уже была готова заплодировать столь дерзкому номеру.

Возможно, причиной тому был ветер, возможно - оставшаяся на крае фальшборта вода из шланга, но раздался пронзительный скрип, и руки Томаса

соскользнули с борта. В панике он попытался схватиться рукой за болтающуюся лестницу, но момент инерции швырнул его прямо на борт судна. Раздался громкий резкий хруст ломающегося щитка, и шея Томаса согнулась под неестественным углом. Его пальцы разжались, и он снова полетел вниз.

Его тело ушло в воду с почти неслышным всплеском, и это зрелище будто отпечаталось в глазах Суг-Йи.

Девушка с камерой не шевелилась, остолбенев. Камера на ее голове продолжала снимать, записывая сопровождающие происходящее крики и вопли. Потом эти кадры покажут везде, и в прессе, и в Сети, где комментаторы назовут его «рекрутинговой рекламой» Организации «Цветок мать-и?мачехи». Какой бы лозунг придумать этой рекламной кампании? «Юность – не значит «глупость»?

Суг-Йи ошеломленно осознавала то, что произошло у нее на глазах. Не отдала приказа выловить тело, даже не пошевелилась. Ее лицо было каменным.

Это действительно того стоит? Непонятно, задавала она этот вопрос Томасу или самой себе.

«Долгое Процветание» продолжало набирать скорость и доворачивать в сторону скоростного катера. Капитан катера, не получив от Суг-Йи никаких приказаний, тоже ничего не предпринимал. «Цветок мать-и?мачехи» ударился о корпус грузового судна, его тащило в сторону, раздался глухой скрежет деформирующегося металла, заглушивший все остальные звуки. Члены экипажа катера хватались за все, что попадалось под руку, чтобы не упасть в воду с кренящейся палубы. Ледяная вода и пена начали захлестывать катер.

Катер начал тонуть.

Часть первая

Тихий водоворот

Базельская Конвенция о контроле трансграничных перевозок опасных отходов и их утилизации – международное соглашение, призванное снизить объем международных перевозок опасных отходов, а в особенности – предотвратить перевозку опасных отходов из развитых стран в менее развитые страны (МРС).

Конвенция была вынесена на подписание 22 марта 1989 года и вступила в силу 5 мая 1992 года. Конвенцию подписали сто семьдесят девять стран мира и Европейский Союз.

Соединенные Штаты Америки, самый крупный в мире источник радиоэлектронных отходов, так никогда и не ратифицировали эту конвенцию.

Википедия, «Базельская Конвенция»

1

Изумительная в своих подробностях деревянная модель джонки ручной работы, стоящая в центре стеклянной витрины, была покрыта красно-коричневой морилкой, дабы придать модели антикварный вид. Вокруг витрины не было голографического изображения; его заменяла нарисованная от руки карта Кремниевого Острова – на самом деле полуострова, соединенного с материковым Китаем перешейком, и моря вокруг него. Однако все называли его островом. Было видно, что рисовавший карту слишком сильно старался показать природную красоту местных ландшафтов и перестарался с красками, отчего картина выглядела неестественной.

– ...это символ Кремниевого Острова, знаменующий хороший урожай, процветание и гармонию...

Скотт Брэндл зачарованно смотрел на модель корабля, едва слушая трескотню экскурсовода. Цвет и фактура дерева, а в особенности выпуклые, будто наполненные ветром паруса, напомнили ему приготовленных на пару омаров, которых им подали вчера вечером на приеме. Он не был ни вегетарианцем, ни ревностным сторонником Всемирного Фонда Дикой Природы, но тот факт, что на

тарелке лежала третья клешня, а панцирь омара, судя по всему, был аккуратно подштопан, заставил его задуматься. Мысль, что «дикий омар», наделенный лишней конечностью, был выращен на мореферме поблизости, совершенно лишила его аппетита, и он лишь с удивлением смотрел на жизнерадостно кушающих китайских чиновников.

– Мистер Скотт, что вы хотели бы посмотреть завтра? – спросил на местном тополекте Директор Линь Йи-Ю, уже выпивший.

Чень Кайцзун (или Цезарь Чен, как звали его в Америке), помощник Брэндла, не стал поправлять ошибку Линя, перепутавшего имя и фамилию американца, и перевел все его слова буквально.

– Я хочу получше понять Кремниевый Остров, – ответил Скотт.

Хотя он тоже выпил немного байцзю – крепкого спиртного, без которого было немислимо любое китайское официальное мероприятие, – он был практически трезв. И пропустил в своей фразе слово «по-настоящему».

– Хорошо, хорошо.

Директор Линь, с красным от байцзю лицом, повернулся и что-то сказал остальным чиновникам. Все громогласно расхохотались. Кайцзун стал сразу переводить фразу.

– Директор Линь сказал, что обязательно удовлетворит ваше желание.

Они уже проторчали больше двух часов в Музее Истории Кремниевого Острова, с его выкрученными на максимум кондиционерами, и, казалось, этому не будет конца. Экскурсовод без умолку тараторил на английском, с сильным акцентом, переводя их из одного ярко освещенного зала в другой. Перемежая древние стихи цитатами из правительственных документов, демонстрируя восстановленные фотографии, инструменты и старинные артефакты, поддельные летописи и диорамы с пластиковыми манекенами, экскурсовод излагал более чем тысячелетнюю историю Кремниевого Острова, первые упоминания о котором датировались девятым веком.

Однако музейные экспонаты не смогли воплотить в себе идеи, заложенные создателями музея. Вероятно, они хотели показать, как Кремниевый Остров развивался за все эти годы, начав с сельского хозяйства и рыболовства, а в наше время вступив на путь индустриального развития и идя в ногу с информационной эрой. Однако для Скотта он оставался всего лишь множеством залов со скучными экспонатами, которые приходилось рассматривать на фоне льющейся в уши пропаганды. Гипнотический эффект почему-то напомнил ему речь сержанта в армии, в те времена, когда он проходил начальную подготовку.

Однако Чень Кайцзун, его переводчик, без сомнения, пребывал в восхищении, так, будто совершенно ничего не знал о Кремниевом Острове. Скотт подметил, что с того момента, как Кайцзун ступил на эту землю, его прежнее безразличие, слишком преждевременное для столь молодого человека, сменилось гордостью и искренним любопытством, куда более естественными для юноши двадцати одного года от роду.

– ...чудесно... невероятно... – время от времени говорил Скотт, будто робот, выдавая дежурную похвалу.

Директор Линь одобрительно кивал. Его улыбка напоминала улыбку пластикового манекена, а рубашка в полоску была заправлена в брюки. В отличие от остальных чиновников, у него все еще была тонкая талия. То, чего ему не хватало в презентабельности, он с легкостью компенсировал деловитостью. Стоя рядом со Скоттом, в котором было метр девяносто росту, Линь Йи-Ю напоминал трость.

Однако этот человек мог с легкостью заставить Скотта страдать, поскольку американец не имел возможности ничего сказать, будто немой, которого заставляют пить горькие лекарственные травы.

Говорит одно, думает другое, подумал Скотт. Лишь теперь он окончательно понял то, что сказал ему Директор Линь вчера вечером. Перед тем как отправиться в Китай, американец купил книгу «Путеводитель по Китаю для чайников», в котором прочел сущий перл мудрости. «Китайцы очень редко говорят то, что думают». Скотт сделал тогда приписку: «Можно подумать, этим они от американцев отличаются».

Возможно, присутствовавшие тем вечером на банкете чиновники сделали это просто по обязанности – поскольку не пришел никто из тех, кто реально принимает решения. Если судить по количеству выпитого байцзю, им просто приказали создать приятную атмосферу. Если же судить по отсутствию у Директора Линя искреннего желания сотрудничать, то эта командировка, в которую Скотта отправила «ТерраГрин Рисайклинг Ко, Лтд», вряд ли пройдет гладко.

Ключевые персоны трех главных кланов, заправляющих всеми делами на Кремниевом Острове, видимо, приходить не собирались. Лучшее, на что мог надеяться Скотт, – это на то, что ему устроят экскурсию по тщательно подготовленной образцово-показательной улице и заводу, в стиле «потемкинских деревень», потом покормят вкусным и изысканным дим-сумом, а обратно в Сан-Франциско он полетит с полным чемоданом сувениров.

Но разве не поэтому «ТерраГрин Рисайклинг» послали сюда не кого-нибудь, а именно Скотта Брэндла? Угловатое лицо Скотта смягчилось улыбкой. От Ганы и до Филиппин, если не считать того происшествия в Ахмедабаде, он никогда их не подводил. И Кремниевый Остров не станет исключением.

– Скажи ему, что мы отправимся в деревню Сялун сегодня днем, – прошептал Скотт, наклоняясь к Кайцзуну. – Уговори его.

Он сомкнул губы и изобразил беззаботную улыбку, глядя по сторонам. Кайцзун понял, что его босс говорит всерьез, и начал быстро переговариваться с Директором Линем.

Музей был слишком ярким, слишком чистым, подобно той выбеленной и переписанной истории, которую он пытался представить посетителям, версию Кремниевого Острова, которую местные желали показать чужакам. Все это было пропитано лживым и неглубоким оптимизмом. В этом здании не существовало ни Базельской Конвенции, ни диоксинов с фуранами, ни кислотных туманов, ни воды, в которой содержание свинца превышало допустимое в 2400 раз, ни почвы, концентрация хрома в которой превышала установленный АООС предел в 1338 раз, и, конечно же, здесь не было мужчин и женщин, которым приходилось пить эту воду и спать на этой земле.

Любая история является историей современности, так ему Чень Кайцзун сказал, когда Скотт проводил с ним собеседование.

Скотт покачал головой. Голоса Директора Линя и Кайцзуна, старавшихся сохранять вид дружеской беседы, но неспособных прийти к соглашению, стали громче. Если бы они говорили на Мандарине, возможно, он сам смог бы разговаривать с Линем при помощи компьютерной программы перевода, но они использовали древний тополект Кремниевое Острова, с восемью тонами и исключительно сложными правилами сандхи. У него не было выбора, приходилось полагаться на особый талант его переводчика, чье происхождение было главной причиной того, что свежеепеченный выпускник Бостонского Университета, специалист по истории, был нанят на эту работу.

– Скажи ему, что если у него есть возражения, – заговорил Скотт, глядя на групповой портрет и мужественно пытаюсь найти на нем хоть кого-то, чьи фотографии он видел в документах перед тем, как сюда отправиться; здесь, в зоне ограниченной скорости доступа в интернет, он не мог обращаться к удаленным базам данных, да и китайцы для него были все на одно лицо, – мы попросим Министра Го лично поговорить с ним.

Министр Го Цидао руководил отделом Экологии и Защиты Окружающей Среды в правительстве провинции и был в числе кандидатов на пост заместителя министра экологии и окружающей среды центрального правительства. Скорее всего, именно он составлял шорт-лист компаний, которым разрешили участвовать в конкурсе на текущий проект.

«Иногда лисе стоит произнести имя тигра, чтобы решить дело». Еще один фокус из «Путеводителя по Китаю для чайников».

Споры утихли. Директор Линь принял сокрушенный вид и стал казаться еще более худым и ниже ростом. Потер руки. Похоже, его больше беспокоила не угроза вовлечения в дело Министра Го, а то, что он может не справиться с порученным ему делом. Но Скотт не оставил ему выхода. Линь с трудом улыбнулся, прокашлялся и пошел к выходу.

– Миссия выполнена. Но сначала мы пойдем кушать.

На лице Кайцзуна появилась широкая удовлетворенная улыбка, та самая, которой можно было ожидать от человека, отучившегося в дорогой школе на Восточном побережье.

Будем надеяться, что нам больше не попадется опасных блюд, типа того «дикого омара», подумал Скотт, проходя мимо модели джонки. Он был рад возможности покинуть музей, обжигаясь холодный и наполненный вымыслами. Модель джонки показалась ему идеальной метафорой: игра слов, вероятно, наилучшим образом отражающая связь между музеем и этим островом хлама[1 - Прим. перев. В английском junk первым значением имеет «хлам, мусор»]. Натянув на лицо защитную маску фирмы 3 M, он прошел через туман, сконденсировавшийся у входа в музей, и вышел наружу, во влажный горячий тропический воздух, пронизанный солнечным светом.

Вместо байцзю в ресторане подавали пиво, но эта перемена не дала Скотту расслабиться. Похоже, в этом заведении уважали здоровье и гигиену еще меньше, чем в том, где они вчера вечером были. Отдельная кабинка, в которой они оказались, именовалась «Сосновой Комнатой», а древний кондиционер гудел, как осиное гнездо, в которое ткнули палкой. Но даже он не мог устранить вонь. На стене виднелось большое мокрое пятно, будто терра инкогнита на старинной карте. Стол и стулья были относительно чисты или, быть может, казались такими в силу того, что владелец выбрал мебель темного цвета, чтобы грязные пятна не так видны были.

Еду принесли быстро. Кайцзун в возбуждении перечислял Скотту названия блюд, объясняя, из чего и каким образом они приготовлены. Сам Кайцзун даже удивился тому, что, оставив Кремниевый Остров семилетним ребенком, до сих пор помнит все эти вкусы и ароматы. Казалось, что перелет через Тихий океан будто вернул его в прошлое, больше чем на десяток лет.

У Скотта аппетита не было, особенно после того, как он узнал, как именно были приготовлены утиная печень, свиное легкое, говяжий язык, гусиные потроха и другие внутренние органы. Он выбрал себе простую рисовую кашу и суп – по крайней мере, здесь минимальный риск того, что в них накопились тяжелые металлы. И с трудом подавил желание вытащить переносную аппаратуру для проверки на загрязнения. В силу ограничений на доступ в Сеть было попросту невозможно установить соединение с удаленными кодированными базами данных и, следовательно, невозможно определить состав пищи, воздуха, воды и

почвы и связанные с этим риски. Не говоря уже об оборудовании дополненной реальности, которое здесь было совершенно бесполезно.

Директор Линь, похоже, понял его беспокойство. И показал на электрорикш, которые возили воду по улице.

– Этот ресторан принадлежит семье Ло. Сюда даже воду доставляют из деревни Хуан, которая в девяти километрах отсюда.

Клан Ло контролировал 80 процентов верхнего сегмента ресторанного и развлекательного бизнеса Кремниевого Острова. Экономическая мощь клана основывалась на самом большом количестве мастерских по разборке электронных отходов, в том числе и в деревне Сялун, куда они должны были отправиться днем. Власть клана Ло была такова, что они имели первоочередное право выбора со всех контейнеров с отходами, которые проходили через Квай Цин, и двум другим крупным кланам доставались остатки. Жизненный пример эффекта Мэтью, триумвират кланов Ло, Чень и Линь, по сути, сведенный к единоличной власти клана Ло. Власть клана была такова, что он имел возможность влиять даже на политику местного правительства.

Скотт обдумывал слова Директора Линя, пытаясь угадать их скрытый смысл. И невольно вспомнил еще одну китайскую народную мудрость: «Если ты ешь чью-то пищу, тебе сложно будет с ним спорить. Если ты принял чей-то подарок, тебе будет сложно поднять на него руку».

Его все сильнее и сильнее раздражали эти китайские штучки, то, что ему приходится постоянно расшифровывать все сказанное, в то время как алгоритм шифрования постоянно меняется, подчиняясь своим правилам. И он решил промолчать.

– Ладно, ладно, давайте выпьем!

Лучший способ прервать неловкое молчание за едой. Директор Линь поднял бокал с пенистым пивом.

После пары тостов лицо Директора Линя снова ярко покраснело. Но после прошлого раза Скотт решил вести себя осторожнее. Хотя у китайцев тоже была поговорка, аналогичная европейскому «истина в вине», похоже, к Директору

Линю она была неприменима.

– Мистер Скотт, позвольте мне быть откровенным, – сказал Директор Линь, хлопнув Скотта по плечу и дыша ему в лицо спиртовым запахом. – Я не пытаюсь помешать вашим исследованиям и расследованиям. У меня есть свои проблемы. Но будьте добры, послушайте мой небольшой совет. Этот проект не сработает, и вам лучше всего просто уехать, чем быстрее, тем лучше.

Кайцзун закончил переводить и посмотрел на Скотта с легкой досадой.

– Я все понимаю. Мы служим разным хозяевам. Почему бы и вам не послушать мой небольшой совет? Этот проект делается по принципу «все в выигрыше». Проигравших не будет. Все подлежит обсуждению. Если проект будет успешен, он станет примером для всего юго-восточного Китая. И станет важным шагом для Китая в деле формирования общенациональной стратегии утилизации. А ваш вклад в это дело не будет забыт.

– Ха!

В усмешке Директора Линя не было ни капли благодушия. Он осушил бокал.

– Интересно. Американцы сначала будут складывать весь свой мусор у чужого порога, а потом вдруг придут и скажут, что хотят помочь тебе убраться, и что все это для твоего же блага. Мистер Скотт, как можно назвать такую национальную стратегию?

Резкий отпор со стороны Линя ошеломил Скотта. Очевидно, этот человек – не тот трусливый бюрократ, каким его он себе представлял. Скотт принялся тщательно обдумывать ответ, стараясь, чтобы в его словах был хотя бы оттенок искренности.

– Мир меняется. Утилизация – отрасль, находящаяся на подъеме, с перспективами в сотни миллиардов долларов. Возможно, от нее даже зависит судьба всего мирового промышленного производства. У Кремниевого Острова будет преимущество первопроходца. Вам менять стратегию куда проще, чем развитым странам, и вы можете действовать, не будучи стеснены политическими и законодательными ограничениями, с которыми приходится сталкиваться нам. Вам нужны технологии и современный менеджмент, которые

позволят вам повысить эффективность и снизить загрязнения. В настоящее время Юго-Восточная Азия и Западная Африка – на пике популярности, сюда приходят многие компании и множество денег, все пытаются быстрее занять места. Однако я могу гарантировать, что условия, которые предлагает «ТерраГрин Рисайклинг», – самые лучшие. И мы никогда не забываем тех, кто помогает нам...

Скотт сделал ударение на «не забываем». Вспомнил чиновников с Филиппин, как те всюю намекали насчет взяток.

Директор Линь не думал, что американец выскажется настолько прямо, безо всяких пустопорожних разговоров и неискренней вежливости, которых он по привычке ожидал. Задумался, приподнял пустой бокал, а затем поставил, приняв решение.

– Я рад, что вы столь откровенны со мной. Тогда я тоже все карты на стол выложу. Проблема здесь не в деньгах, а в доверии. Местные не доверяют даже приезжим китайцам, из других регионов, не то что американцам.

– Но американцы не все одинаковые. Как и китайцы не все одинаковые. Могу вам сказать, что вы не похожи на остальных.

Скотт решил использовать уловку, которая, по опыту, срабатывала в любой точке планеты.

Директор Линь уставился на Скотта, его пронизанные сеткой кровеносных сосудов глаза смотрели скептически. Он выглядел пьяным, но пьяным не был. Спустя некоторое время он хмыкнул и заговорил.

– Вы ошибаетесь, Скотт. Все китайцы одинаковы. И я не исключение.

Скотт удивился. Линь впервые назвал его «Скотт», а не «мистер Скотт». Однако следующий вопрос Линя удивил его еще больше.

– У вас есть дети? На что похож ваш родной город?

По своему ограниченному – но достаточному – опыту общения с китайскими мужчинами он привык, что разговоры обычно вращаются вокруг международной политики и глобальных трендов. Кто-то больше говорит о бизнесе, о религии и хобби говорят очень немногие. Но он ни разу не сталкивался с ситуацией, чтобы кто-то рассказывал о своей семье или спрашивал о семье Скотта. Китайцы, в его понимании, были прирожденными дипломатами – говорили о мировых проблемах и судьбах людей, но всегда избегали разговоров о своей частной жизни – жизни отцов, сыновей, мужей или братьев.

– У меня две дочери. Одной семь, другой тринадцать, – сказал Скотт, доставая из бумажника мятую фотографию и протягивая Директору Линю. – Старая фотография; все никак не поменяю ее. Я вырос в небольшом городке в Техасе, сейчас это почти что город-призрак, но были времена, когда в нем было здорово. Не видели фильм «Техасская резня бензопилой»? Похожий городок, но вовсе не такой страшный.

Скотт рассмеялся, а следом рассмеялся и Кайцзун.

Директор Линь покачал головой и вернул фотографию Скотту.

– Когда вырастут, разобьют многие сердца. У меня один сын, тринадцать лет, в школе учится.

Повисло молчание. Скотт кивнул, подбадривая Линя, чтобы тот говорил дальше. Если по правде, то он понятия не имел, куда их может завести такой разговор.

– Самая великая мечта для всех людей Кремниевого Острова – чтобы их дети уехали отсюда, чем дальше, тем лучше. Мы уже стары, не можем сорваться с места, покинуть родительский дом, но молодые – другое дело. Они – чистый лист бумаги, наполненный потенциалом к написанию новой картины. Этот остров безнадежен. Воздух, вода, почва и люди слишком долго были погружены в мусор. Иногда даже сложно сказать, что вокруг мусор, а что – нет. Мы полагаемся на мусор, дабы прокормить наши семьи, чтобы разбогатеть. Но чем больше мы зарабатываем денег, тем хуже становится окружающая среда. Все равно будто мы держимся руками за веревку, затянутую петлей на наших шеях. Чем сильнее тянем, тем тяжелее дышать. Но если отпустим, то упадем в бездонную яму внизу и утонем.

Вместо того чтобы сразу же переводить эту тираду, Кайцзун завелся и принялся спорить с Директором Линем на местном тополекте. Директор Линь продолжал качать головой.

– Именно поэтому мы здесь, – сказал Скотт. – Мои родители говорили то же самое, что вы. Хотели, чтобы я уехал из дома и обосновался в большом городе. Но лишь после того, как я достаточно долго пожил сам по себе, я понял, что ответственность никуда не делась. Она на плечах каждого. Можно отвернуться и сделать вид, что ты чего-то не видишь, а можно повернуться ко всему этому лицом и изменить это. Все зависит от того, каким человеком ты хочешь себя видеть.

Какая чудесная речь, достойная голливудского фильма, подумал Скотт. Он не особенно рассчитывал на поддержку Директора Линя, но здесь и сейчас, если ему удастся не нажить себе врага, это будет все равно что обрести друга.

– Это слишком сложно, – ответил Директор Линь, не переставая качать головой. – Я тщательно прочел ваши предложение и заявку. Не слишком много знаю, чтобы что-то сказать о технологии, но знаю, что «ТерраГрин Рисайклинг» – лидер в области технологий утилизации, а план рекультивации, предложенный вами, выглядит привлекательно. Однако есть большая проблема. Ваш план потребует, чтобы были снесены тысячи мастерских по всему острову и в будущем все электронные отходы сортировались, разбирались и обрабатывались вами. Вы понимаете, что это означает для них?

Скотт понимал, о каких них говорит Директор. Клань Ло, Линь и Чень монополизировали утилизацию и обработку электронных отходов на Кремниевом Острове, ежегодно перерабатывая миллионы тонн и получая доходы, измеряющиеся миллиардами долларов. Для столь серьезной индустрии усовершенствование технологий будет означать перераспределение прибыли, и этот процес будет тяжелым и кровавым.

– В рамках нашего плана будут созданы десятки тысяч новых, «зеленых» рабочих мест, с полным обеспечением. В силу превосходных технологий «ТерраГрин Рисайклинг» утилизация и переработка станет намного более эффективной, будут снижены потери, связанные с ручной разборкой и переработкой, существующие сейчас. Доходы от переработки увеличатся на тридцать процентов, не меньше. Но, что самое важное, мы организуем особые фонды, чтобы помочь Кремниевому Острову выполнить всеобъемлющий план по

рекультивации окружающей среды. Мы вернем вашему дому его прежний вид, с голубым небом и чистой водой.

Это была практически цитата из текста бизнес-предложения. Кайцзун восхитился памяти своего босса, особенно в условиях, когда нельзя было воспользоваться средствами дополненной реальности.

– Знаю я все это.

Директор Линь, похоже, окончательно протрезвел, если и вообще был пьян, и заказал чашку крепкого чая.

– Но это никого не волнует на самом деле. Не волнует местных. Они хотят выжать из всего этого столько денег, сколько смогут, и им без разницы, какая здесь будет жизнь. Мигрантов это тоже не волнует. Они хотят побыстрее денег заработать, вернуться в родную деревню и открыть там универсальный магазин или построить новый дом и жениться. Они ненавидят этот остров. Будущее этого места никого не волнует. Они хотят уехать отсюда и побыстрее забыть этот этап своей жизни, как и весь этот мусор.

– Но это должно волновать правительство! – не выдержал Скотт.

– У правительства есть заботы поважнее, – ответил Директор Линь, отпив большой глоток чая. Он говорил неспешно, и краснота исчезла с его лица. Как исчезла и вежливая и умелая поддельная улыбка, так, будто его искреннего отцовского тона, звучавшего прежде, никогда и не было. – Время идет. Нам еще надо добраться до деревни Сялун. Поверьте, вы не захотите долго там оставаться.

Есть два Кремниевых Острова, подумал Скотт Брэндл, глядя на картины, медленно проплывающие в окне «Лендровера».

Перед этим правительственные чиновники отвезли их в административный центр Кремниевого Острова. Глядя на хаотичное дорожное движение, Скотт удивился обилию дорогих машин, водители которых, похоже, не убирали руки с сигнала: БМВ, «Мерседес-Бенц», «Бентли», «Порш»... ему даже показалось что

он заметил припаркованную поперек тротуара рубиново-красную «Мазерати», в то время как ее молодой владелец сидел рядом на корточках, поедая барбекю из морепродуктов, купленное у уличного торговца.

Несмотря на то что полуостров был не на первых местах в табели о рангах Китая, Кремниевый Остров процветал. Скотт увидел здесь немало бутиков люксовых брендов, таких, которые привык видеть лишь в самых крупных городах Китая. У обитателей города было модно строить дорогие особняки в традиционном стиле сяшаньху[2 - Hia7suan1houn2, на Мандарине - сяшаньху, букв. «тигр, спускающийся с горы», традиционный тип дома в области Чаошань провинции Гуандун. Несколько частей дома находятся на разном уровне, в соответствии с принципами фэншуй, в результате чего постройка напоминает припавшего к земле тигра. (Здесь и далее – примечание Кена Лю).], но они добавляли к этому европейские элементы, в результате чего дома получились роскошного, но несколько несуразного, делано экзотического вида. У попавшего в город иногда возникало впечатление, что он очутился на третьесортной архитектурной выставке: в одном доме просматривалось влияние средиземноморской архитектуры, в другом – скандинавского минимализма.

В путеводителе по Китаю, которым обзавелся Скотт, именно об этом и говорилось. Здесь жили нувориши современного Китая. Они копили лучшие в мире материальные блага, чтобы заполнить ими пустоту собственных жизней.

Скотт не заметил у пешеходов масок на лицах. Ему было известно, что протезирование дыхательной системы еще не получило популярности в этих местах. Административный центр находился с наветренной стороны от остальной территории Кремниевого Острова, так что качество воздуха здесь было, по крайней мере, терпимым, хотя в воздухе и присутствовал вездесущий запах, от которого было тяжело дышать. Запах, похожий на тот, который Скотт запомнил по визиту на завод по сжиганию резины на Филиппинах, после которого его неделю тошнило. Однако здесь, похоже, люди с ним вполне освоились.

«Лендровер» медленно, рывками ехал в плотном потоке машин. Время от времени между машинами вклинивалась трехколесная электрическая тележка рикши-водовоза, вызывая шквал сигналов и ругани. Однако водители тележек, говорящие на иных, чем местный, тополектах, игнорировали это. В деревне Хуан тонна воды стоила два юаня, а в девяти километрах от нее ее уже продавали по два юаня за сорокалитровую бутылку. Местные не пробавлялись столь малыми

заработками – но именно их большой бизнес в первую очередь сделал поверхностные и грунтовые воды на Кремниевом Острове непригодными для питья.

Это цена, которую приходится платить за экономический рост, говорили все. Клише, которое вдолбило им телевидение.

– Мы почти приехали, – сказал Директор Линь, сидевший на переднем месте пассажира и повернувшийся к Скотту[З - В Китае принято отводить пассажиру более высокого ранга место на заднем сиденье машины.].

– Срань... – выпалил Кайцзун, но вовремя спохватился.

Скотт посмотрел туда же, куда смотрел его помощник. Сжал губы, но ничего не сказал. Хотя он изучил достаточно материалов по Кремниевому Острову, одно дело – читать, а совсем другое – увидеть своими глазами шокирующую реальность за стеклом автомобиля.

Бесчисленные мастерские, практически сараи, стояли вплотную друг к другу по обе стороны улицы, как костяшки маджонга. Узкий проход в середине служил лишь для того, чтобы возить по нему тележки с отходами, которые здесь перерабатывали.

Металлические шасси, разбитые мониторы, печатные платы, пластиковые детали и провода, некоторые уже разобранные, другие – в ожидании разборки, валялись повсюду, будто навозные кучи, а рабочие, приезжие из других районов Китая, сновали меж них, будто мухи. Рабочие копались в кучах, выбирая более ценные предметы, чтобы потом обжечь их в печах или бросить в кислотные ванны для извлечения меди и олова, а также ценных металлов, таких как золото и платина. Отходы переработки сжигали или выбрасывали прямо на землю, отчего мусора становилось еще больше. И ни у кого не было защитного снаряжения.

Все вокруг было окутано свинцово-серым туманом, смесью белых испарений от кипящей в кислотных ваннах «царской водки» и черного дыма от непрерывно сжигаемого на полях и у реки ПВХ, изоляции и печатных плат. Дующий с моря ветерок смешивал дым и пар, и образовавшаяся смесь впитывалась в поры тела всем находящимся здесь.

Скотт смотрел на мужчин и женщин, вся жизнь которых протекала среди этого хлама. Местные называли их «мусорными людьми». Женщины стирали белье голыми руками в черной воде, и мыльная пена обрамляла островки ряски серебристым кантом. Повсюду играли дети, бегая по почерневшим берегам, на которых поблескивали куски стеклопластика и почерневшие останки печатных плат; скакали по заброшенным полям, на которых дымились догорающие кучи пластика; плавали и плескались в темно-зеленых прудах, на поверхности которых плавали куски полиэфирной пленки. Похоже, они считали, что это естественное состояние окружающего мира, и ничто не могло лишить их радости. Мужчины ходили с обнаженным торсом, демонстрируя наклеенную на них дешевую телесную пленку. Носили устройства дополненной реальности, поддельные, шаньчжай, используя короткие мгновения отдыха, чтобы лежать на гранитных берегах оросительных каналов, засыпанных битыми мониторами и пластиковым мусором. Эти древние каналы, построенные сотни лет назад, чтобы доставлять воду на рисовые поля, теперь блестели лишь от мусора, оставшегося от разборки всякого старья.

– Мы на месте. Все еще хотите выйти из машины? – насмешливо сказал Директор Линь, будто он тоже был здесь лишь посетителем.

– Не забравшись в логово тигра, не добудешь тигренка, – с трудом выговорил Скотт китайскую поговорку на Мандарине, с сильным акцентом. Надел на лицо маску и открыл дверь машины.

Директор Линь покачал головой и неохотно вышел следом.

Скотта окутали горячий воздух и невыносимая вонь. Маска задерживала пыль и частички отходов, но с запахом она ничего сделать не могла. На мгновение ему показалось, что он снова очутился в пригородах Манилы, где побывал два года назад, вот только запах здесь в десять раз гуще. Он пытался стоять неподвижно, но тело все равно начало покрываться потом, сразу же смешивающимся с неизвестными химическими веществами из воздуха. Они мгновенно образовали на коже липкую пленку, к которой прилипла одежда, и от этого было тяжело даже шаг сделать.

Перед ними возвышались каменные ворота с надписью: «Сялун» усложненными иероглифами. В обычной обстановке Скотт Брэндл обязательно бы осмотрел их, чтобы оценить древность и мастерство изготовления, но сейчас в его голове,

будто сигнальная лампа, замигали строки, высеченные на воротах ада в поэме Данте:

Я увожу к отверженным селеньям,

Я увожу сквозь вековечный стон,

Я увожу к погибшим поколениям.

Скотт прочел эти строки, когда учил в колледже итальянский; никогда и не думал, что ему когда-нибудь понадобится это полузабытое знание за всю его жизнь. Однако здесь эти строки были абсолютно уместны. И он изо всех сил постарался выбросить из головы последнюю строку-предупреждение.

Работающие мгновенно остановились и с любопытством поглядели на них. По большей части смотрели на Скотта. Несмотря на маску на лице, его светлая кожа, рост и коротко стриженные светлые волосы сразу же выдали его. Конечно, рабочие-мигранты уже видели иностранцев раньше, но сейчас они явно были удивлены тем, что этот хорошо одетый лаовай появился здесь, будто видение Иисуса из Назарета, грядущего сквозь волны горячего воздуха и клубы токсичного тумана по улицам, полным нечистот.

А потом они улыбнулись, все разом. Улыбки распространялись от лица к лицу, будто волны, будто прохладный ветер, заставивший всех приподнять уголки губ.

– Будьте осторожны. Здесь много наркозависимых, – тихо сказал Директор Линь на ухо Ченю Кайцзуну. Скотт, пошедший было вперед, резко остановился, не дожидаясь перевода.

На земле перед собой он увидел корчащуюся руку-протез. Намеренно или нет, но стимулирующие датчики были оставлены на виду, а внутренняя батарея, которую еще не вынули, обеспечивала питание механизмам. Электрический ток тек под поверхностью искусственной кожи по синтетическим нервам, вызывая циклические сокращения искусственных мышц. Пять пальцев протеза беспрестанно вцеплялись в землю, и искусственная рука ползла, будто гигантская гусеница телесного цвета.

Потом натолкнулась на брошенный ЖК-монитор, и обломанные ногти начали скрести по гладкому стеклу, не в состоянии продвигаться дальше.

Подбежал маленький мальчишка. Схватил протез и переложил пальцами в другом направлении. Лицо у него было такое, будто этот протез был для него чем-то вроде игрушечной машинки. И его гротескная игрушка продолжила свое бесконечное путешествие в никуда, которое, очевидно, прервется лишь тогда, когда кончится батарейка.

Скотт присел рядом. Маленький мальчишка безо всякого страха и даже без любопытства смотрел на его лицо в маске.

- А где еще можно найти такие же... руки?

Мальчишка на мгновение замер, а потом показал на сарай поблизости. И тут же развернулся и убежал.

Скотт встал. Его глаза светились сильной радостью, будто он отыскал какое-то тайное сокровище.

Снаружи было хорошо видно, что в сарае никого нет, а посреди него лежала куча бросовых силиконовых изделий, из которых уже удалили их электронную начинку. Силикону предстояло пройти особую технологическую обработку, чтобы извлечь из него мономеры и силиконовое масло. В местных мастерских такого оборудования не было, так что этот мусор просто лежал в ожидании того, что за ним приедет специализированный сборщик.

Завершив свои разъяснения, Директор Линь добавил:

- В наши дни богатые люди меняют части тела с той же легкостью, как раньше телефоны меняли. Выброшенные протезы доставляют сюда. Большинство их не прошло обеззараживание, поэтому они содержат кровь и другие телесные жидкости, которые представляют серьезную угрозу для общественного здоровья...

Похоже, он понял, что сказал слишком много, и остановился, а затем попытался сменить тему.

- Здесь слишком грязно, мистер Скотт. Почему бы нам не пойти в другую часть деревни? Там, где находится основная часть мастерских.

Кайцзун понимающе поглядел на него. Директор Линь явно пытался что-то скрыть. Переведя его слова Скотту, он добавил и свой комментарий по этому поводу. Скотт безразлично улыбнулся и пошел дальше, в сторону сарая.

Внезапно из-за левой стены сарая к нему метнулась черная тень. Скотт услышал, как Директор Линь вскрикнул, а в следующее мгновение ощутил, что на него несется нечто, пахнущее гнилью и рыбой. Он присел и резко развернулся в сторону, отталкивая неизвестного нападающего руками.

Услышав низкий рык, Скотт разглядел в напавшем крупную немецкую овчарку. Собака перекатилась по земле, но мгновенно встала на ноги и уже была готова напасть снова.

Скотт вскинул руки, принимая боевую стойку, и уперся взглядом в темно-зеленые сверкающие глаза пса. Его тело напряглось, готовое к сражению.

Но в этот момент немецкая овчарка будто услышала некую безмолвную команду. Пес опустил взгляд, убрал хвост между ног и спешно убежал за сарай.

– Это чипированная собака, – сказал Директор Линь, выставляя вперед руку с телефоном. Он тяжело дышал, так, будто напали на него самого.

Чтобы отпугивать грабителей, жители деревни держали у себя крупных собак с имплантированными в мозг чипами. Благодаря павловским рефлексам, усиленным современной электроникой, собака безжалостно нападала на любого, кто нарушил границу охранной зоны, не подав обусловленного сигнала, до тех пор, пока не нейтрализовывала его. В каждой деревне был свой особенный сигнал, который часто меняли. Все кодовые частоты были у считаного количества людей, среди которых был и Директор Линь.

– Несколько человек даже были убиты собаками, в основном – радикальные борцы за экологию, – с улыбкой сказал Директор Линь. – Должен сказать, мистер Скотт, я не ожидал, что вы столь осведомлены в искусстве рукопашного боя.

Скотт улыбнулся в ответ, прижимая к груди левую руку. От внезапного прилива адреналина и инстинктивного страха его сердечный ритм стал беспорядочным, и теперь ему требовалось некоторое время, чтобы крохотная коробочка внутри

его грудной полости сделала свое дело.

Кайцзун постарался скрыть свое изумление. Было видно, что быстрая, практически автоматическая реакция на опасность со стороны Скотта – результат долгих упорных тренировок. Похоже, его босс – не просто успешный бизнес-консультант. А цель его поездки на Кремниевый Остров отнюдь не так проста, как подготовка к реализации проекта.

Скотт вошел в сарай и остановился перед громадной кучей протезов телесного цвета. Присел и принялся сосредоточенно рыться в ней. В нос ударил резкий запах дезинфектанта. Полупрозрачные искусственные ушные раковины, губы, протезы конечностей, грудные импланты, искусственные мышцы и увеличенные половые органы пружинили, отскакивая друг от друга, и куча рассыпалась. Его глаза наполнял розовый свет поддельного здоровья, так, будто он влез в кладовую Джека Потрошителя. Но он наконец-то нашел то, что искал.

Длинная строчка из букв и цифр, SBT-VBPII32503439, выдавленная изнутри странного протеза из литого пластика, напоминающего створку большой раковины. Протез блестел, белый, как кость. Вероятно, когда-то внутри него были электронные схемы.

Скотт повернулся и бросил протез Директору Линю. Тот, вздрогнув, с отвращением на лице поймал предмет.

– Хочу попросить вас об одолжении, Директор Линь, – подчеркнуто вежливо сказал Скотт. – Не могли бы вы помочь мне найти того человека, который работал с этим куском мусора?

– Это очень непросто. Мы не такие, как вы. У нас нет современного менеджмента и баз данных... это может занять очень много времени.

Директор Линь поглядел на протез. Непохоже, чтобы это можно было прицепить к человеческому телу, по крайней мере, нормальному телу.

– Что это, ради всего святого?

– Поверьте, вам лучше не знать этого.

Позади раздался шум, и Скотт настороженно обернулся. Мимо сарая, не останавливаясь, пробежали несколько рабочих.

Директор Линь задумчиво кивнул. Полуостров достаточно мал, здесь не может быть такого секрета, который он не сможет узнать рано или поздно. Это лишь вопрос времени.

– Сделаю все, что смогу, чтобы найти этого человека до того, как закончится ваш исследовательский визит, – многозначительно сказал он.

В этот момент Директор Линь увидел, что мимо сарая снова бегут люди, еще больше, в том же направлении, куда и предыдущие, со смесью страха и возбуждения на лицах. Поймав за плечо молодого парня, он обратился к нему, на ломаном Мандарине, поскольку среди рабочих не было ни одного местного.

– Что случилось?

– Кого-то прищемило, – ответил молодой парень и, увернувшись, побежал дальше.

Директор Линь переменялся в лице и ринулся вслед за ним. Скотт и Кайцзун побежали следом. И увидели толпу, собирающуюся вокруг сарая-мастерской. Люди о чем-то возбужденно спорили. Трое пришлых протолкались сквозь толпу и невольно резко вдохнули, увидев, что произошло.

На земле лежал человек, залитый кровью, его руки и ноги непроизвольно дергались. Пальцы черной сломанной руки-манипулятора вцепились в его голову и шею. Сквозь щели между пальцами манипулятора было видно, что лицо человека уже деформировалось, а из его рта и носа идет кровавая пена. Он уже был не в сознании и лишь издавал бессвязные стоны, подобно раненому животному. Дергающееся тело выглядело так, будто на сборочном конвейере по ошибке соединили человеческое тело и манипулятор.

– Как это случилось? – спросил Директор Линь. Из какофонии ответов он понял, что при разборке руки-манипулятора человек случайно задел цепи обратной связи, и манипулятор сжал его голову, будто тисками. Ему просто не повезло, он каким-то образом разозлил духов. Все сочувственно качали головами.

Скотт ринулся вперед и дал знак Кайцзуну, чтобы тот держал мужчину за плечи во избежание повреждения позвоночника. Внимательно рассмотрел манипулятор. Производство «Фостер-Миллер Инк.», США, модель «Спирит Кло III» (снятая с производства). Шесть степеней свободы, встроенные микробатареи, способные питать сервомоторы в течение тридцати минут при отключении питания. Базовая модель, полувоенного назначения, широко использовавшаяся при подавлении бунтов, в системах безопасности, в подразделениях разминирования и других сходных сферах.

Тебе повезло и не повезло одновременно. Скотт понял, что не в силах что-либо сделать. Повезло, поскольку максимальная сила сжатия данной модели всего 520 ньютонов. Если бы это была промышленная модель, то голова человека сразу бы превратилась в кашу наподобие тофу. Не повезло же потому, что манипулятор, в силу своего предназначения для разминирования, изготовлен из особого твердого сплава. Обычным инструментом в нем даже вмятину не сделаешь.

– Дорогу, дорогу!

Толпа расступилась, и к сараю подбежали двое мужчин, несших на плечах плазменный резак. Один из них с благодарностью посмотрел на Кайцзуна, увидев, что тот держит пострадавшего за плечи, а потом с подозрением посмотрел на Скотта.

Бесполезно, подумал Скотт. На самом деле только хуже будет. Но, ничего не сказав, встал и отошел в сторону.

Плазменный резак выбросил светло-голубой язык. Жало плазмы коснулось черных суставов манипуляторов, и послышалось шипение. С металла начала обгорать грязь, и он стал менять цвет. В месте контакта с плазмой металл почернел, потом покраснел, а потом раскалился добела. Похоже, это вселило в окружающих надежду, и они затаили дыхание. Стояли на цыпочках, не смея подойти ближе.

Зажатый стальной хваткой человек начал биться еще сильнее, из его горла вырвались жалобные пронзительные вопли.

Металл хорошо проводит тепло. Скотт отвернулся.

У мужчины задымились волосы. На коже головы проявились сверкающие полупрозрачные пузыри ожогов, которые тут же лопнули. Хлынула пузырящаяся кровь. Человек, управлявший резаком, мгновенно отдернул инструмент и принялся искать мокрые тряпки, чтобы сбить огонь. В воздух поднялся белый дым, запахло горелой плотью. Некоторые зажали носы, у других началась рвота.

О Боже мой. Скотт прекрасно понимал, что в данном случае единственным способом все исправить было бы подключиться к «Спирит Кло» через проприетарный интерфейс и дать команду выключить сервомоторы. Но таких инструментов у него не было, да и он не знал, в рабочем ли состоянии блок управления манипулятором. Оставалось лишь молиться, чтобы батареи истощились как можно быстрее.

Кайцзун и второй помощник изо всех сил старались удержать пострадавшего. Но Кайцзун почувствовал, как тело под его руками слабеет, будто из него неслышно уходит какая-то незримая субстанция. Судороги прекратились. Кайцзун отпустил плечи мужчины. Тот не шевелился.

Скотт оглядел лица стоящих вокруг «мусорных людей». Беспомощность, оцепенение, испуг, возбуждение. Отвращение на лице Директора Линя и шок на лице Кайцзуна. Казалось, даже увидел со стороны свое собственное лицо, бледное и светлое, столь неуместное среди здешних желтых. Но выражения этого лица он разобрать не мог, оно было слишком расплывчатым.

Скотт Брэндл более не мог сдерживать себя, и мысленно произнес последнюю строчку на итальянском.

Оставь надежду, всяк сюда входящий.

Последняя строка, предупреждение, высеченное на воротах Ада.

Просматривая кипу цветастых, но совершенно скучных кадров повседневной жизни и окружающей обстановки, Чень Кайцзун вдруг увидел черно-белую

фотографию. Невозможно поверить, что это фото сделал ребенок.

Фотография была сделана у мастерских по разборке, в том месте, куда родители ребенка, коренные жители Кремниевого Острова, наверняка запрещали ему ходить, повторяя это регулярно. На фоне кучи хлама сидел человек, из «мусорных людей», держа в руках половину протеза конечности. Прическа и одежда не позволяли понять, какого пола этот человек. На юном лице было странное выражение: он, или она, не смотрел в объектив, напротив, смотрел куда-то за кадр, в глубокой задумчивости.

Редкий, чудесный кадр. Кайцзун закрыл альбом лучших фотографий, сделанных школьниками, и выглянул наружу, на спортивную площадку.

Дети уже два часа стояли под палящим солнцем. Их лица густо покраснели, с них градом катился пот. Под прищуренными глазами виднелись густые тени. Они постоянно извивались, будто черви, еле заметно переминаясь с ноги на ногу, тайком почесывая лоб или стирая пот, но стараясь изо всех сил не привлечь внимание учителей.

Стоящий на трибуне чиновник продолжал свой монотонный монолог, расписывая, как базовое школьное образование изменит будущее Кремниевого Острова. По обе стороны от трибуны стояли два мощных настольных кондиционера. Выбрасываемый ими холодный воздух мгновенно превращался в белый туман, спускающийся, будто облака, на сидящих под красными зонтиками почетных гостей.

Хватит. Кайцзун наклонился к Скотту и что-то шепнул ему на ухо. Скотт приподнял брови и что-то прошептал в ответ. Кайцзун встал и подошел к Директору Линю. Снова шепот. Директор Линь нахмурился, на мгновение задумался, а потом что-то написал на клочке бумаги и попросил младшего учителя передать записку чиновнику.

Динамики умолкли, давая слушателям возможность отдохнуть от повизгивания систем реверберации, перегружающихся от вдохновенной декламации чиновника. Затем чиновник поспешно закончил речь. Все с энтузиазмом зааплодировали, заканчивая процедуру приема почетных гостей.

– Мистер Брэндл, у вас все хорошо? – спросил чиновник по-английски, с сильным акцентом.

– Нормально, просто немного голова болит. Может, из-за кондиционеров. Благодарю вас.

– Каков ваш распорядок на остаток дня?

– Наверное, все отменю. У меня есть работа, которую необходимо выполнить.

Кайцзун понял, что последняя фраза имеет отношение к нему. Он уже жаловался, впрочем, не надеясь, что это что-то изменит, что хотя он уже неделю на Кремниевом Острове, ему так и не удалось навестить родственников. Хотя, если честно, он и остальные члены клана Чень в родстве через прапрапрадедушку.

Так что поездка Кайцзуна на родину предков подходила к концу, а ситуация оставалась неловкой.

После поездки в деревню Сялун Кайцзун стал особенно интересоваться своим боссом. «Гугл» не дал ничего, чего бы он и так не знал из резюме Скотта. Ничего подозрительного. Пришлось удовлетвориться предположением, что боевые умения Скотта Брэндла были получены им за два года службы в армии. Однако были и куда более интересные загадки, беспокоившие Кайцзуна.

Кроме того, у него началась постоянная головная боль. Он уже с трудом выносил здешнюю атмосферу – вонь, шум и повсеместное отсутствие порядка. Он не понимал молодых людей на улице, клеящих себе на тело полиимидную пленку с OLED, воспринимающую электрические импульсы нервных сигналов в их мышцах и преобразующую их в цветастые картинки и тексты. В Америке подобные пленки обычно использовали в качестве диагностического инструмента для наблюдения за состоянием организма пациентов. Но здесь это стало частью уличной культуры и показателем статуса.

Он не мог объяснить Скотту, что иероглиф пу, который молодые люди демонстрировали со своих обнаженных плеч, не означает слово путун, на Мандарине означающее «общий», а произносится на втором тоне тополекта Кремниевого Острова и означает «бля».

В воспоминаниях его детства Кремниевый Остров был бедным, но живым и полным надежды. Люди были дружелюбны и помогали друг другу. В те времена вода в прудах была чистой, а в воздухе пахло морской солью. Можно было ракушки и крабов на пляже собирать. Собаки были просто собаками, а по земле ползали только гусеницы. Теперь же все стало странным и незнакомым, будто в его голове возник широкий пролив, разделивший реальность и недостижимые воспоминания о прошлом.

Кайцзун вспомнил, что сказал его отец, когда он сообщил ему, что отправляется на Кремниевый Остров. «Да, тебе лучше съездить. Это твоя родина. Но не воспринимай все слишком близко к сердцу. Так ты сможешь лучше все понять».

Тогда он подумал, что слова отца – всего лишь набор благих пожеланий.

Кайцзун вдруг понял, что стоящий перед ним мужчина средних лет, высоколобый, остроносый и с еле заметной мягкой улыбкой на губах, на удивление похож на его отца, хотя они и очень дальние родственники.

Чень Сянь-Юнь, который в молодости был бизнес-партнером его отца, теперь стал главным распорядителем клана Чень. Он стоял на втором месте в клане, и во всех повседневных делах и бизнесе семьи его слово было законом.

Кайцзун по привычке распахнул руки, ожидая, что обнимется с дядей, но этот человек, к которому он даже толком не знал, как обратиться, протянул ему сильную руку.

– Дядя Чень, надеюсь, у вас все хорошо, – сказал Кайцзун, смущенно протягивая руку в ответ. – Мой отец часто рассказывал мне о вас, и я очень рад, что наконец-то смог с вами встретиться.

– Ха! Надеюсь, и у твоих родителей все хорошо?

– Они в добром здравии. Спасибо, что спросили. Подумывают приехать в гости на следующий год.

– Хорошо, очень хорошо. Почему бы тебе не покушать со мной? Учитывая, что сегодня праздник, должно быть много угощения.

Кайцзун уже давно уловил чудесные запахи, доносящиеся с кухни. Ему уже надоело каждый день есть в ресторанах, очень хотелось домашней еды. Так что он с благодарностью принял приглашение Ченя Сянь-Юня.

Больше всего ему понравились не полные тарелки мяса и рыбы, а домашняя выпечка, какой он не ел уже многие годы – пирожки с добавлением цекегцао, травы[4 - Себк?g8сао2 (научное название *Gnaphalium affine*, сушеница родственная) – растение, используемое в традиционной китайской медицине и в восточной кухне в качестве ароматизатора для сладкой выпечки.]. Из травы делали отвар, в который добавляли топленое сало, и на этом отваре замешивали тесто из муки из клейкого риса. Затем в тесто добавляли бобовую пасту, клейкий рис, арахис, креветок и свинину. Затем из получившегося теста с начинкой лепили пирожки в форме сердечек в деревянной форме. Готовили пирожки на пару, на решетке из полос бамбука или банановых листьях. Трава в отваре придавала им неповторимый аромат. Коренные жители Кремниевое Острова пекли такие пирожки только по большим праздникам.

Кайцзун и Дядя Чень продолжали говорить, и Кайцзун опомниться не успел, как уже съел три пирожка с цекегцао, запивая их чаем ганху[5 - Gang1hu1 (гунфу, на Мандарине) – гунфуча, способ приготовления чая, зародившийся во времена династии Сун (960—1279 гг. н. э.) и особенно популярный в Чаошане. Сложный способ, предъявляющий строгие требования к каждому этапу приготовления чая – к качеству воды, силе огня, выбору чашек и чайника, методу заваривания и разлития чая в чашки и т. п. Термин «гунфу» не относится напрямую к боевым искусствам, а означает тщательно отточенные навыки и усердие в процессе исполнения любого дела.]. В силу благотворного воздействия чая на пищеварение жирные и сытные пирожки не упали Кайцзуну в желудок камнем.

Дядя Чень, похоже, тоже был в хорошем настроении и принялся расспрашивать Кайцзуна о жизни за границей. Время от времени кивал, слушая ответы Кайцзуна, но не высказывал никаких оценок.

Постепенно Кайцзун понял, что глава клана намеренно избегает разговора о планах «ТерраГрин Рисайклинг» относительно Кремниевое Острова. Кайцзуна это заинтересовало. Сам он очень хотел знать, что думают по этому поводу его кровные родственники, принадлежащие к могущественному клану.

- Дядя Чень...

Кайцзун задумался, тщательно выбирая слова.

- Мне очень интересно ваше мнение относительно предполагаемого строительства индустриального парка...

Чень Сянь-Юнь улыбнулся, он явно ждал вопроса. И, положив палочки для еды, ответил вопросом на вопрос.

- Ты же историю изучал, так, Кайцзун? Тогда сам помоги мне разрешить эту загадку. Уже почти середина двадцать первого века, тогда почему же мы до сих пор придерживаемся древней и примитивной системы кланов?

Кайцзун растерялся. Конечно же, он читал о клановой системе его родной страны в книгах, но у него не было опыта жизни в клане - жизни в коллективе, по образцу, зародившемуся тысячи лет назад в патриархальных обществах, берущей начало в коллективном ведении хозяйства, с общей фамилией, предками, клановым святилищем предков и даже общей собственностью. Жизни по законам клана, узами, укрепляемыми совместным поклонением предкам и традиции хоронить членов клана вместе.

- Наверное...

Он лихорадочно подыскивал ответ.

- ...потому, что клановая система эволюционировала и приспособилась к современному миру. Современный клан больше напоминает акционерное общество, совместное предприятие. Все члены клана имеют свою долю в имуществе и получают долю дохода соответственно их положению в клане. Все члены клана придерживаются одинакового внутреннего свода правил и блюдают определенную корпоративную этику. И, конечно же, поскольку все члены клана носят одну фамилию и имеют общих предков, чувство принадлежности здесь куда сильнее, чем в совместном предприятии, за счет чего проще руководить подобным объединением.

Кайцзун налил Дяде Ченю еще одну чашку чая.

– Очень хорошо сказано. Сразу видно, что ты за границей учился. Но ты не затронул самый главный момент.

Чень Сянь-Юнь сложил вместе указательный и средний пальцы и, слегка их согнув, постучал по столу, в жесте благодарности.

– Ты не сказал о чувстве безопасности, – продолжил Дядя Чень. – Если человека ограбили или избили, у компании, в которой он работает, нет перед ним никаких обязательств в плане помощи. Найдет ли он помощь со стороны закона? Если повезет, то да. Но когда все законные пути оказываются неэффективны, единственные люди, на которых он может положиться, – это люди его клана.

– Можно сказать и иначе. Если ты принадлежишь к влиятельному клану, любой, желающий препятствовать тебе, должен понимать, что цена, которую он за это заплатит, может сильно превысить первоначальный выигрыш.

Значит, все эти слухи о том, что жители Кремниевого Острова живут подобно гангстерам, небезосновательны, подумал Кайцзун. Но ему хотелось возразить.

– Но ведь мы теперь живем в обществе, основанном на верховенстве закона.

– Ха-ха!

Дядя Чень рассмеялся, не слишком громко, и поглядел на младшего с жалостью и сочувствием.

– Запомни, с начала времен и по сей день существует лишь одно общество – общество, основанное на законе джунглей.

Кайцзуну хотелось возразить еще, хотелось привести аргументы в пользу своей позиции, но в глубине души он понимал, что Дядя Чень лучше него знает правду жизни. Не ту правду, что написана в книгах, а иную, произрастающую из земли и проверенную огнем и кровью.

– Но вернемся к твоему вопросу, – сказал Дядя Чень. – Что я думаю по поводу этого предложения, не слишком важно. Важно, что о нем думают все. Если все думают одинаково, тогда мое личное мнение ничего не изменит.

Он встал и похлопал Кайцзуна по плечу.

– Хочу тебе напомнить. Ты один из нас. Пока ты находишься на территории клана Чень, я могу гарантировать тебе безопасность. Но когда отправишься на территорию клана Ло, будь очень осторожен.

– Кстати, почему бы тебе не отдохнуть немного? Сегодня вечером отведу тебя на Праздник Духов. Там будет очень весело!

Кайцзун настолько погрузился в свои мысли, что даже не ответил на приглашение.

Он вспомнил ситуацию, которая случилась два года назад.

Он был в кампусе Бостонского университета, у реки Чарльз, на лекции по всемирной истории, которую читал им профессор Тоби Джэмисон. Пожилой мужчина с гривой седых волос, которая делала его похожим на Полковника Сандерса, спросил студентов:

– Кто может привести пример глобализации?

Первый парень, которого он вызвал, на мгновение замешкался, а потом показал наполовину съеденный гамбургер.

– Макдак.

Все захохотали.

– Очень хорошо, – сказал профессор Джэмисон. – Этот ответ даже лучше, чем ты можешь себе представить.

– Это не просто список клише – Макдоналдс, «Найк», фильмы из Голливуда, телефоны на «Андроиде»... нет, ведь когда ты заходишь в Макдоналдс и заказываешь обед за пять девяносто пять, что тебе приносят? Картошку, выросшую в Андах, кукурузу из Мексики, черный перец из Индии, кофе из Эфиопии, курятину из Китая и, конечно же, уникальный вклад Америки во все

это – кока-колу.

– Теперь вы понимаете, к чему я веду? В глобализации нет ничего нового. Это тенденция, которой уже сотни и тысячи лет. Вы можете увидеть ее в Эпохе Великих Открытий, в торговле, в распространении письменности и религий, в перелетных птицах, ветре, и даже в бактериях и вирусах. Но проблема в том, что мы так и не достигли консенсуса, даже не попытались построить честную систему, от которой в выигрыше все. Вместо этого мы возвращаемся в непрекращающемся круге разграбления, эксплуатации и насильственного отъема – из Амазонии, из Африки, из Юго-Восточной Азии, с Ближнего Востока, Антарктики и даже ближнего космоса.

– В эпоху глобализации нет постоянных победителей. То, что ты приобрел, ты когда-нибудь потеряешь, и тебе придется заплатить за это с процентами.

Профессор громко стукнул ладонью по кафедре, будто судья молоточком.

– Все свободны.

Кайцзун вернулся в настоящее. Реальность такова, что «ТерраГрин Рисайклинг» хочет предоставить жителям этого полуострова технологические решения, противодействующие негативным эффектам глобализации, спасти их из этого ада. Однако жители ответили: «Нет, мы лучше будем жить среди хлама и мусора».

Долбаное безумие.

Его раздражали не только дела, связанные с проектом. Кайцзун отлично понимал, что идеалистические ожидания, которые у него копились перед поездкой на родную землю, рухнули.

В его памяти был будто провал, разделяющий его детство на Кремниевом Острове и тот момент, когда он пошел в школу в Америке. Будто две бобины киноплёнки склеили насильно, то ли сознательно, то ли как-то иначе, а на стыке между ними был прыжок во времени.

Сильнейшее непонимание. Он был ребенком, которого вырвали из привычной обстановки, оторвали от родных и друзей и бесцеремонно поместили в странный мир, в котором вместо языка его детства люди издавали странные и непостижимые звуки, где вокруг были чужие люди иных рас, совершенно непохожие на него самого. Он не мог читать, не мог писать, стал плохо спать и есть, у него даже нарушилась ориентация в пространстве и времени, просыпаясь, он минут двадцать вспоминал, где же он находится. За эти полгода Кайцзун, которого теперь на западный манер звали «Цезарь», переезжал с родителями из города в город, пока они искали место, где обосноваться. На то, чтобы учиться разговаривать с чужими людьми, у него не было ни возможности, ни смелости.

Он перестал разговаривать даже с родителями.

Эта тревога не покидала его, пока он не поступил в университет, но даже тогда он продолжал ощущать, что не до конца интегрировался в окружающее его американское общество. Он был непохож на КРА, китайцев, родившихся в Америке, и был непохож на китайских студентов, окончивших школу в Китае и приехавших в Америку учиться. Как бы он ни старался, каких бы успехов ни добивался, от остального мира его будто отделяла невидимая стена. Кайцзун/Цезарь ощущал себя существом, оказавшимся между двух параллельных миров, неспособным найти место, где он ощутил бы себя своим. Поэтому в конечном счете он и решил специализироваться на истории, погружаясь в мир, отделенный от реальности стеной времени. Там он чувствовал себя более безопасно.

Когда он увидел предложение работы от «ТерраГрин Рисайклинг», то нажал кнопку «Подать заявление» не раздумывая. Его охватило желание, которое он подавлял в себе многие годы. Ему очень хотелось вернуться домой, вернуться в тот мир, которому он когда-то принадлежал, говорить на тополекте, который он слышал с младенчества, есть еду, которую он ел в детстве, увидеть хорошо знакомую землю и море. Он считал, что сможет использовать свой интеллект и знания, чтобы принести на родную землю высокие технологии и эффективный менеджмент «ТерраГрин Рисайклинг», сделать свой вклад в процветание родной земли. Думал, что эта работа позволит ему вновь ощутить чувство принадлежности, вернет ему ощущение жизни в реальном мире, и даже надеялся, что сможет устранить растущее отчуждение между ним и его родителями.

Но теперь Кайцзун понял, что тосковал не по родной земле, а по собственному детству.

В пятнадцатый день седьмого лунного месяца в Китае традиционно отмечался Праздник Духов. В даосской традиции этот праздник именовался Жун-юань, в буддийской – Ю?Лань.

Каково бы ни было его название, смысл праздника заключался в том, что в этот день духам людей, весь год страдающих в аду, дозволялось ненадолго вернуться в мир живых, чтобы получить передышку. Для них это был единственный день в году, когда они имели возможность ощутить вкус настоящей еды. Живым предписывалось готовить к этому дню всевозможную вкусную еду с изысканными запахами, а также подносить духам призрачные деньги и возжигать благовония. Таким образом люди должны были принести облегчение страдающим духам и обрести благую карму, в особенности делая подношение одиноким духам, тем, у кого не осталось родных, чтобы о них заботиться, а также поминая собственных предков.

– Наверное, это что-то вроде американского Хеллоуина, – сказал Дядя Чень Кайцзуну.

На площади перед семейным святилищем клана Чень горожане возвели алтарь, больше десяти метров высотой. Наверху алтаря стояла двухметровая статуя Царя Духов, главного божества, покровительствующего празднику, которое должно было отпугивать недружественных духов и призраков. Перед алтарем находился стол для подношений, который уже заполнился аккуратно уложенными фруктами, разнообразным мясом, призрачными деньгами, золотыми и серебряными слитками из папье-маше и другими подношениями от множества семей. Дым от огромных двухметровых благовонных палочек висел над площадью, будто густой туман. Рядом со столом для подношений стояли три горы из папье-маше, украшенные вылепленными из теста руками Будды и надписями с буддийскими мантрами, успокаивающими страдающих приобщением к учению Будды.

Все эти временные сооружения были ярко раскрашены и украшены сложными абстрактными узорами, изображающими облака, волны и колышущую под ветром траву. Все было пропитано атмосферой радостного возбуждения – вовсе

не торжественной сдержанностью, которой можно было бы ожидать от праздника, посвященного духам и предкам.

По улицам и переулкам, затянутым лиловым туманом дыма от благовоний, сходились люди к колышущимся на ветру флагам в виде драконов над алтарем. Мужчины и женщины, с детьми за спиной и подношениями в руках. Перед алтарем артисты из коллективов народной оперы разыгрывали сцены из буддийских писаний, посвященные сыновней почтительности, а уличные акробаты демонстрировали свои номера. Техники наклеивали людям телесные пленки, дети толпились у лавок со сладостями и едой, а торговцы выкладывали перед ними все новые лакомства.

Нет, на Хеллоуин это не похоже, подумал Кайцзун. Скорее... на Марди-Гра. Но эти мысли он оставил при себе. Казалось, он видит все происходящее в двойном размере – то, что происходит в реальности, и воспоминания детства, будто накладывающиеся на это. Даже не так. Не зрительные образы, а запахи, густой запах благовоний, который будто мгновенно перенес Кайцзуна обратно в начало двадцать первого века, больше чем на десяток лет назад.

Казалось, что рядом с ним его бабушка, уже умершая. Она брала его за руку и протискивалась сквозь плотную толпу, высоко держа над головой зажженную благовонную палочку, и шла, пока они не доходили до стола для подношений. Там она становилась на колени, делала троекратный земной поклон и клала подношения на стол. А потом закрывала глаза, тихо бормоча молитвы за предков и умерших близких, дабы они не страдали в посмертии.

Глаза Кайцзуна стали влажными, несмотря на то, что он никогда не верил в существование загробного мира.

– Обычно мы начинали праздник, когда стемнеет. Вешали везде лампы, было очень красиво, – сказал Дядя Чень, «исполнительный директор» клана, не переставая здороваться с бесконечным потоком членов клана, идущих мимо них. Он стал для Кайцзуна экскурсоводом. – И как-то раз на праздник проводка перегрелась, и начался пожар. Поэтому празднование перенесли на дневное время.

Дядя Чень поднял с земли листок бумаги, банкноту «призрачных денег», и со смехом протянул Кайцзуну.

– Судя по тому, сколько на ней нулей, в аду нынче адская инфляция.

Кайцзун заметил, что несколько человек постоянно убирают груды «призрачных денег» и серебряные и золотые слитки из папье-маше, сгружая на тачки и куда-то увозя.

– Они увозят все эти деньги, чтобы сжечь в другом месте?

– Это ты старые обычаи вспомнил. В прошлом каждая семья сжигала бумажные подношения в небольшой топке, прямо перед домом, но теперь это объявили источником загрязнения. Так что они увозят бумагу прямиком на фабрику, где ее перемалывают и используют по новой. Защита окружающей среды, та самая, о которой ты говоришь.

Кайцзун внимательнее рассмотрел банкноту. Серийный номер, дата изготовления и даже адрес в интернете.

– А какой тут смысл в интернет-адресе?

– О, ты можешь зайти на сайт и вести банкинг для загробной жизни. Можешь открывать счета, покупать адские деньги для умерших родственников – монеты, слитки, кредитные карты, все в ходу. Хранящиеся на счетах деньги могут быть использованы умершими для покупки продуктов, проживания или иных услуг, доступных в загробной жизни, – и, конечно же, для уплаты всевозможных налогов, там существующих.

The Sims, эпизод «Загробная жизнь». Кайцзуну хотелось расхохотаться.

Традиции, которые не менялись, наверное, сотни, если не тысячи лет, медленно блекли на фоне науки и технологии.

– Но зачем платить за все это? Ведь так просто все это подделать.

Дядя Чень оглядел происходящее, воздух, заполненный дымом благовоний, толчею. Казалось, его мысли где-то вдали. А потом ответил, медленно и торжественно:

– Пока ты действительно веришь в существование иного мира, веришь в то, что твои родные и близкие продолжают жить там и что есть возможность что-то сделать, чтобы они знали, что ты о них не забываешь, – до тех пор все это реально.

Отец говорил Кайцзуну, что жена Дяди Чень умерла в позапрошлом году, от рака. Перед смертью она очень страдала от невыносимой боли и умоляла мужа отключить ее от аппаратуры поддержания жизни, чтобы прекратить ее страдания. Однако Дядя Чень не смог это сделать. В ее последние минуты, настолько истерзанная болезнью, что едва была похожа на человека, она взяла его за руку. «Я не виню тебя, – сказала она. – Не бойся. Я буду ждать тебя там». И тогда Дядя Чень не выдержал и разрыдался. Он жалел, что не послушался жены. Куда хуже самой смерти было потерять достоинство перед лицом смерти.

После этого он организовал на территории, подчинявшейся клану Чень, регулярные медицинские осмотры. Причем не только для уроженцев Кремниевого Острова, но и для мигрантов, работающих на переработке мусора.

Кайцзун знал, что согласно медицинской статистике обитатели Кремниевого Острова болели респираторными заболеваниями, заболеваниями почек и заболеваниями кровеносной системы в пять-восемь раз чаще, чем в соседних регионах. Кроме того, у людей намного чаще обнаруживали раковые заболевания. В одной из деревень практически в каждой семье был человек, страдающий от рака в терминальной стадии.

Из загрязненных прудов вылавливали странных рыб с раковыми опухолями. Процент мертворожденных не снижался, несмотря на все усилия врачей, ходили слухи, что у женщины-мигранта родился мертвый ребенок с темно-зеленой кожей, от которого исходил запах металла. Старики говорили, что Кремниевый Остров превратился в обитель зла.

Кайцзун смотрел на серьезное лицо Дяди Чень; смотрел, как молодежь снимает фото и видео ритуалов, чтобы отправить файлы на электронную почту, зарегистрированную на умерших родственников; смотрел на безмолвные лица молящихся, молодые и старые, на которых отблескивало пламя свечей и огоньки тлеющих благовонных палочек. Это затронуло нечто внутри него, спрятанное очень, очень глубоко.

Возможно, настанет день, когда все, что он видит, будет заменено виртуальной реальностью, симуляторами, технологиями, но тоску людей по тем, кого они любят, не заменишь ничем. Им всегда бужет нужен некий ритуал, некая опора, некий способ преодолеть грань между жизнью и смертью, соединить прошлое и настоящее, оформить бесформенные воспоминания и печаль в предметы, действия, ритуализированные представления, чтобы пробудить чувства, притупившиеся с течением времени, чтобы боль потери, когда-то столь мучительная и нестерпимая, могла снова прийти к ним, не стертая из памяти бесчисленными последующими воспоминаниями.

История есть процесс постепенного освобождения событий от их эмоциональной окраски. Кайцзун наконец-то понял, почему он стал учиться на историка. Вероятно, постоянные переезды из города в город в детстве заставили его с большой осторожностью относиться к эмпатии. Он привык держать дистанцию – в семье, в школе, в какой-либо организации, в личных отношениях. Ему было очень легко достичь объективности, того качества, которого добивается в себе любой историк.

Однако теперь Кайцзун начал понимать силу и значение слов «один из нас».

Внезапно его привлекло лицо в толпе. Оно резко выделялось среди остальных, задумчивых и умиротворенных, наполненное страхом. Молодое, худощавое, но по одежде и прическе нельзя было угадать пол этого человека. Он пытался слиться с толпой, но бегающие глаза, постоянные взгляды через плечо придавали его лицу еще больший контраст с остальными, будто круги расходились от камня, брошенного в безмятежную водную гладь, и по этим кругам было легко обнаружить центр.

Одно было точно – это не уроженец Кремниевых Островов. Хотя человек и пытался сойти за местного, мелкие детали в одежде и в чертах лица выдавали уроженца отдаленной провинции.

Кайцзуну почему-то показалось, что он узнал этого человека. Странно, откуда он может знать это лицо. Но его особенности уже запустили программу распознавания образов в правой веретеновидной извилине его мозга, в результате чего выделились нейротрансмиттеры и повысилась частота пульса.

Проследив за взглядом этого человека, Кайцзун увидел нескольких бандитов из местных, которые кого-то искали в толпе. Наряд у них был заметный – облегающие белые жилеты из лайкры со светящимися узорами, вышитыми на спинах и вспыхивающими, как рождественские елки, в сочетании с ярких цветов свободными спортивными штанами и кроссовками. Одинаковые короткие стрижки с выстриженными на головах сложными узорами, руки и лица, покрытые всевозможным пирсингом, и, конечно же, обязательный атрибут гангстерской субкультуры – куски сверкающей телесной пленки, на которой вспыхивали имена и знаки.

Кайцзуна неоднократно предупреждали, что нужно держаться от таких людей подальше. За ними стояло сложное хитросплетение власти и насилия, в котором ему не разобраться.

Один из бандитов внезапно повернулся, будто что-то увидев. Его губы изогнулись в пугающем подобии улыбки, обнажая зубы. Пирсинг в верхней губе на мгновение коснулся кольца в носу, и телесная пленка на его плечах вспыхнула, изображая яркое пламя. Он что-то прокричал, и двое других поглядели в том же направлении, что и он. И все трое медленно двинулись сквозь толпу, с лицами охотников, устремившихся за добычей, попавшей в ловушку, на ходу придумывая новые способы мучений для своей жертвы.

Кайцзун тихо выругался. Повернувшись в сторону, он увидел, что их добыча смотрит на него. Мягкие глаза, в которых стояли страх, отчаяние и немая мольба. У Кайцзуна дрогнуло сердце, он наконец-то понял, почему это лицо показалось ему знакомым. Это было то же самое лицо, которое он видел на фотографии в альбоме, в той самой начальной школе, где он когда-то начинал учиться.

Жертва протолкалась сквозь толпу и исчезла в узком переулке, за семейным святилищем клана. Молодые бандиты двигались следом, не прерывая преследования.

Случись это в Штатах, Кайцзун остался бы на месте, не влезая в неприятности, поскольку знал бы, что кто-нибудь обязательно вызовет полицию. Но здесь, на Кремниевом Острове, он не был столь уверен в правильности таких действий. Возможно, это нормальная часть здешней повседневной жизни, поскольку большая часть окружающих, казалось, не обратила на это никакого внимания. Кайцзун посмотрел туда, где скрылись члены банды; его руки инстинктивно

сжались в кулаки, потом разжались, а потом сжались снова.

– Дядя Чень, будьте добры, подождите немного. Я сейчас вернусь.

По обеим сторонам переулка стояли торговцы, продающие поминальные свечи и благовонные палочки. Резкий запах благовоний был почти невыносимым. Над головой виднелась лишь узкая серая полоска неба. В переулке было полно людей, пришедших на праздник, но ни жертвы, ни бандитов Кайцзун не увидел. Спросил нескольких прохожих, но все говорили, что ничего не видели.

В конце переулка стояла пожилая женщина, которая продавала жареные роллы. После долгих раздумий она наконец боязливо показала на неприметный магазинчик в стороне.

Приглядевшись, Кайцзун понял, что между магазинчиком и другим домом, магазином побольше, есть узенький переулок, чуть шире, чем плечи взрослого мужчины. Заметить его с первого взгляда было очень сложно.

Он вошел в темный переулок, видом и запахом больше всего напоминавший сточную канаву. Его чуть не стошнило. Кайцзун вспомнил картины переулков Лос-Анджелеса из «Хищника?2», вот только здесь было в десять раз грязнее. Подумал было позвонить в полицию, но сразу же передумал.

Его сердце замерло, когда он услышал вопль. И он ринулся вперед, на ходу раздумывая, как будет разбираться с бандитами. Как у любого нормального дипломированного историка, у него было слишком мало опыта в уличных драках.

Посмотрев на жертву бандитов, он наконец понял, что это девушка. Ее швырнули на землю, в грязную лужу. Вдоль стены спасались бегством удивленные крысы. Девушка с трудом дышала, но не плакала и ничего не говорила.

Человек с пламенем по плечам что-то ей сказал, а потом с силой ударил ее ногой по голове. Второй расстегнул ширинку и стал на нее мочиться.

– Прекратите! – крикнул Кайцзун. Времени составлять планы не было.

Бандиты непонимающе поглядели на хорошо одетого незнакомца.

– Кто-нибудь знает этого придурка? – спросил Человек-Пламя, игнорируя Кайцзуна.

– Он не местный... но, блин, а говорит-то как местный совсем, – сказал третий бандит. Кайцзун подумал было, что тот воспользовался дополненной реальностью, чтобы выяснить, кто он, но у бандита не было очков, и по внешнему виду было ясно, что вряд ли он настолько богат, чтобы позволить себе импланты в глазах.

– Кто я, не так уж важно, главное, чтобы вы знали, кто такой Директор Линь Йию.

Услышав имя Директора Линя, бандиты на мгновение замешкались. Но счастье Кайцзуна продолжалось секунды три, не больше.

– Пу! Узнал я этого козла. Поддельный иностранец, тот, который завод построить хочет! – крикнул второй бандит, продолжая стоять с расстегнутой ширинкой.

Кайцзун был в шоке. Он понимал, что в местных новостях уделяли много внимания приезду Скотта Брэндла, но и представить себе не мог, что его узнают в лицо уличные бандиты. Цена славы.

– Да ну? Тогда понятно, почему он по-нашему так хорошо шпарит. Хотел нас Директором Линем напугать, да? Ха, теперь мы знаем, кто ты такой, а ты знаешь, кто мы такие, сенмукзай[б - seng2muk6zai2.]?

Человек-Пламя назвал его пренебрежительным эпитетом, который можно было примерно перевести, как «студент».

Они двинулись, окружая Кайцзуна и отрезая ему пути к отступлению.

Кайцзун напрягся, пытаясь вспомнить свои недолгие занятия тхэквондо в университете. Увы, он слишком часто пропускал тренировки, так что теперь был в состоянии вспомнить лишь пару стоек, совершенно бесполезных в такой ситуации. Сжав кулаки, он поднял их к груди и посмотрел на противников

настолько свирепо, насколько смог, в надежде создать у них впечатление того, что готов биться насмерть.

Они подходили все ближе, но вдруг остановились. А один из бандитов даже сделал пару шагов назад.

Сработало? Едва эта мысль пришла в голову Кайцзуну, как его по плечу ободряюще хлопнула сильная рука.

– Тесак, ты что-то совсем обнаглел. Уже осмеливаешься мочиться на территории клана Чень?

Это был Чень Сянь-Юнь, Дядя Чень. Позади него стояли еще двое мужчин с угрожающими выражениями лиц.

– О, Босс Чень! Извиняюсь. Однако человека, за которым мы явились, приказал привести сам Босс Ло. Я просто выполняю его приказ.

Человек-Пламя, или Тесак, как назвал его Дядя Чень, говорил очень мягко, постоянно кивая. Тот, что с расстегнутой ширинкой, спешно попытался застегнуть ее, но на полпути застежка на что-то наткнулась, и он вскрикнул от боли.

– Мне без разницы, кто ищет этого человека. Не сегодня. И не здесь.

За простыми словами Ченя Сянь-Юня чувствовалась сила, не допускающая возражений.

– Конечно, конечно! Как скажет Босс Чень.

Тесак погасил пламя, сверкающее на его плечах. Зло сплюнул и пошел прочь, вместе со своими подельниками. Пройдя до середины переулка, повернулся, бросив прощальный взгляд.

– Я и не знал, что в святилище клана Чень мусор собирают. Неудивительно, что я за два квартала запах учуял.

– Пу! – выругался один из помощников Дяди Ченя, и на его плечах синим огнем вспыхнул иероглиф «Чень». Он уже был готов ринуться вслед Тесаку, но Дядя Чень остановил его.

– Клан Чень похож на Луну на тридцатый день – еле заметную, угасающую, ха-ха...

Визгливый смех Тесака стих в темноте переулка.

– Дядя Чень, как вы узнали, что я здесь? – спросил Кайцзун, наконец-то позволив себе расслабиться. У него было ощущение, что он вот-вот рухнет.

– Кайцзун, я здесь всю жизнь живу. Неужели ты думал, что я не замечу то, что заметил ты?

Кайцзун подошел к девушке, которая так и лежала, скрючившись, в грязной луже. Тронул ее руками, мягко, пытаясь ее успокоить. Девушка мгновенно открыла глаза, оттолкнула его руки и сжалась в комок, у стены, дрожа всем телом. Вся ее одежда пропиталась грязной водой, будто мешок отходов с кухни.

– Все хорошо, хорошо, – заговорил Кайцзун, на Мандарине, чтобы не пугать девушку. – Как тебя зовут? Где ты живешь? Мы отвезем тебя домой.

Девушка пришла в себя не сразу. И заговорила, когда наконец поняла, что опасность миновала.

– Меня зовут Мими, я живу в деревне Нанься.

– Это территория клана Ло, – шепотом сказал Чень Сянь-Юнь.

– Почему они тебя преследовали? – спросил он девушку громче. – Ты что-то украла?

– Нет! – возмущенно ответила Мими. – Я ничего не сделала! Просто сегодня праздник, я хотела прогуляться... мельком глянуть на всю эту красоту. Они меня весь день преследовали, я весь день бегала, пока сюда не попала...

– Эти бешеные псы клана Ло все наглее и наглее.

Сянь-Юнь не уловил в словах девушки лжи и тихо вздохнул.

– Отведите ее в деревню, – приказал он своим помощникам. – Но постарайтесь, чтобы никто из клана Ло ее не увидел.

– Нет! – возразил Кайцзун, вставая. Он сам удивился своей решительности. – Вернуть ее туда – все равно что отдать ягненка на съедение тигру.

– Она работает с мусором и принадлежит клану Ло... – сказал Сянь-Юнь, отводя глаза, чтобы не встретиться взглядом с возмущенным племянником.

– «Мусорные люди», работающие на клан Ло, – тоже люди! Дядя, сегодня такой день, что нам не следует делать то, о чем мы потом пожалеем. Нас там видят.

Кайцзун показал вверх. Он знал, что люди поколения его дяди верят в духов, призраков, карму и судьбу. Лучше сказать о воздаянии в следующей жизни, чем пытаться читать лекцию о морали и философии.

Сянь-Юнь задумался. Через некоторое время он приказал своим людям проводить Мими до ее дома, забрать там самое необходимое и привести обратно, чтобы поселить при одной из мастерских клана Чень.

– Остается лишь надеяться, что Тесак просто болтал, когда сказал, что выполняет приказ Ло Цзиньчена, а на самом деле просто дал волю своему безумию. В противном случае...

Кайцзун увидел на лице дяди тревогу и понял, что ситуация очень далека от разрешения. Теперь до него стала доходить вся сложность взаимоотношений, скрывавшихся за их недавним разговором о «чувстве безопасности». Клань здесь были чем-то вроде независимых вотчин, устанавливая свои правила на своих территориях. Для клана Ло «мусорная девушка» была не человеком, скорее чем-то вроде овцы, сельхозинвентаря или мешка семян. Если «мусорный человек» принадлежит клану Ло, но переселится на территорию клана Чень в результате вмешательства Дяди Ченя, в клане Ло могут счесть это оскорблением и изменой. А Кайцзуна, ответственного за измену Мими, сочтут

вором, сознательно нарывающимся на неприятности.

Мими стояла в полном изумлении, слушая разговор на смеси Мандарина и местного тополекта. Кайцзуну не сразу удалось объяснить ей, что они обсуждают и к какому решению они пришли. Когда она наконец поняла, что происходит, то смогла лишь с трудом выдать из себя «спасибо».

Близился вечер. На площади перед святилищем клана Чень царил полнейший беспорядок. Полуразобранный алтарь стоял в лучах заходящего солнца, будто скелет. Статуя Царя Духов, сделанная из прочного пластика, лежала на земле с загадочной улыбкой на лице. Стол для подношений уже унесли, но на земле еще валялись поминальные свечи и благовонные палочки, вперемешку с призрачными деньгами, растоптанными фруктами и овощами. В уносимых ветром лиловых облаках дыма колыхались флаги-драконы. Духи-сироты и голодные духи утолили свой голод и ушли. Торговцы считали выручку и раздавали непроданную еду чипированным собакам, которые ее ели в полной сосредоточенности, быстро и механически виляя хвостами.

Через год все повторится, абсолютно так же, в этот же день.

– Вы действительно думаете, что жизни «мусорных людей» менее ценны, чем жизни местных? – спросил дядю Кайцзун. Перед его мысленным взором стояло лицо Мими. Было в нем что-то такое, что отпечаталось на сетчатке его глаз, оставив неизгладимый след в его памяти.

В свете заходящего солнца от фигуры Ченя Сянь-Юня протянулась длинная тень, через всю площадь, залитую медно-красным светом и поблескивающую золотистыми крупинками мусора. Дядя не ответил племяннику.

Кайцзун вспомнил выпускника Бостонского Университета, доктора теологических наук, окончившего университет в 1955 году, который когда-то говорил о мечте, которая изменит все и всех.

Эта мечта так и осталась неосуществленной.

На кремниевом острове даже мусор не был чем-то простым, как могли бы подумать иные. Когда открывали контейнеры, полные мусора, то мусор начинали сортировать, прежде чем пустить в переработку. Среди мусора всегда было множество вещей во вполне приличном состоянии, которые можно было отобрать, отремонтировать и продать на рынке секонд-хенда. Тем не менее всегда оставалось что-нибудь, что не заметили. «Мусорные люди», с их наметанным на такие вещи глазом, забирали их себе и хранили, будто сокровища. Мими однажды видела, как Брат Вэнь – все девушки называли его братом, поскольку он всегда вел себя как старший брат всем им, – вырезал силиконовую деталь из выброшенной японской куклы для взрослых и тайком спрятал под одеждой; квадратная рана, оставшаяся между ног искусственной женщины, открывала взору сложное переплетение проводов и тонких трубок, будто это тело бросили на сухом газоне после неудачной операции, а хирурги не удосужились зашить разрез.

Мими не стала спрашивать, зачем Брат Вэнь сделал это; ей уже было восемнадцать, и она кое-что знала о жизни. Всегда слушалась маму и коротко стригла волосы, старалась надевать свободно сидящую одежду, скрывающую изгибы ее тела. Ей не хотелось когда-нибудь очутиться брошенной на газоне, подобно этой кукле.

Брат Вэнь, родом из той же провинции, что и она, приехал сюда за год до нее. Казалось, он вообще не работает, но тем не менее денег он зарабатывал больше всех окружающих. Похоже, что даже уроженцы Кремниевого Острова его уважали. Он не шатался попусту, не ввязывался в драки, подобно местным хулиганам, напротив, действовал в соответствии со своим именем, ведь иероглиф вэнь означал «образованный». Возможно, он и не выглядел человеком изысканным и мягким, но ему достаточно было сказать слово, чтобы сотни «мусорных людей» из окрестных деревень его послушались.

Полгода назад он организовал несколько успешных бунтов, добиваясь лучших условий труда и других благ для рабочих. Конечно же, боссы кланов привыкли массово увольнять непокорных, нанимая на их места новичков, но Брат Вэнь действовал умело, организуя протесты накануне приезда правительственной инспекции. Надзиратели не хотели проблем с чиновниками, и им пришлось выполнить его требования.

В результате таких достижений репутация Брата Вэня взлетела до небес, однако пошли слухи, что боссы кланов замышляют избавиться от него. Как любой нормальный человек Брат Вэнь обеспокоился своей безопасностью и самовольно заявился к Директору Линю Йи-Ю. Ему каким-то образом удалось уговорить Директора пригласить его на встречу с главами трех кланов за трапезой дим сум. После этого слухи о найме убийц, которые должны были разобраться с Братом Вэнем, сошли на нет. Для «мусорных людей» Вэнь стал кем-то вроде профсоюзного лидера. Если рабочие были чем-то недовольны или им что-то требовалось, они просили его переговорить с боссами, и обычно ему удавалось добиться решения, удовлетворяющего обе стороны. Но он тем не менее продолжал жить в разваливающейся хижине, целыми днями бродя по деревням и выискивая в мусоре странные и необычные детали, которые он складывал рядом со своим домом. Он постоянно возился с ними, будто какой-то народный умелец, собирающий из мусора нужные вещи.

Для Мими Брат Вэнь был загадкой. Хотя они и говорили на одном тополекте, Мими все время казалось, что Вэнь говорит совсем не то, что думает.

– Ты мне напоминаешь А Хуэй, мою младшую сестру, – часто говорил ей Брат Вэнь, глядя ее по голове. Однако когда Мими пыталась расспросить его о сестре, он всякий раз менял тему разговора, а глаза его становились такими, будто его ум устремлялся в неведомые дали.

Мими с младых лет была приучена делать все сама, но она всегда завидовала другим детям, у которых были старшие братья и сестры, которые о них заботились. Постоянное одиночество Брата Вэня, казалось, могло послужить исполнению ее желания, но каждый раз внутренний голос предостерегал ее. «От этого человека идет ощущение необъяснимой опасности. Будь начеку!»

Где-то месяц назад Брат Вэнь показал Мими особенно странное устройство.

Мими и еще несколько девушек слонялись без дела и гонялись друг за другом, размахивая протезами рук и ног. Увидев Брата Вэня, они перестали смеяться и почтительно остановились. Вэнь подозвал их и примерил предмет, который держал в руках, к их головам, а потом покачал головой.

– Брат Вэнь, что это у тебя? – спросила Лань-лань, девушка родом из провинции Юннань, которая ночевала с Мими в одной хижине.

Вэнь снова покачал головой.

– Я тоже не знаю.

– Тогда отдай нам!

Девушки захихикали, игриво толкая друг друга.

– Мы это носить будем.

Вэнь ухмыльнулся.

– Наверное, у вас головы слишком большие, не налезет!

Он кинул им предмет, похожий на шлем. Девушки принялись разглядывать его, будто какую-то затейливую корону, охая и ахая.

– Брат Вэнь, я не уверена, что это для человеческой головы предназначалось, – сказала Мими. «Корона» выглядела как большая чаша, возможно, ей можно было бы прикрыть затылок, как шлемом, однако внутри нее посередине шло выступающее ребро, из-за которого ее невозможно было нормально надеть. Еще внутри были видны следы от каких-то устройств, которые, видимо, просто вырвали, а еще там были желтые пятна.

Вэнь похлопал по своей голове.

– Мими, ты и правда точь-в?точь как моя родная сестра. Голова на плечах есть.

– Она не только умная, она еще и самая модная из нас. Наверняка корона ей пойдет.

Смеющиеся девушки внезапно пришли к согласию и водрузили шлем на голову Мими.

Ее голова оказалась слишком велика для этой штуки, между ее черепом и вогнутой внутренней поверхностью оставалось много места. И Брат Вэнь не успел остановить это веселье, прежде чем оно зашло слишком далеко. Одна из девушек с силой надавила на предмет. Раздался громкий хруст, и Мими почувствовала, как что-то холодное и острое прокололо ей кожу под затылочной костью.

Она вскрикнула, сдернула «корону» и бросила ее на землю.

– Что ты наделала! – заорал Брат Вэнь. Девушки испугались того, что натворили, и мигом разбежались.

– У меня кровь идет! – сказала Мими, ощупывая ранку на затылке.

– Хорошо хоть, рана небольшая, – сказал Брат Вэнь, доставая из кармана дезинфицирующую салфетку и прижимая ее к ране. Кровотечение почти сразу прекратилось.

Мими села на кучу мусора и взяла в руки сломанный протез. Брат Вэнь смотрел на нее. Внезапно Мими пришла в голову мысль. Возможно, все, что делает Брат Вэнь на благо «мусорных людей», лишь кажется таковым. На самом деле он лишь хочет удовлетворить свои тайные желания. Мысль удивила ее. Так, будто до сих пор она видела лишь тени и отражения людей, но никогда не задумывалась о том, что за души скрываются за этими лицами.

Души. Мими принялась осмысливать это слово. Обычно им пользовались лишь в качестве клише, в текстах песен, но ей никогда не доводилось напрямую сталкиваться с этим понятием – понятием чего-то бесформенного и невидимого, что тем не менее безусловно, существует. Если бы она могла видеть души, что бы она увидела? Ракушки, рассыпанные на берегу? Облака в небе? Ведь наверняка у разных людей души разного цвета, разной формы, разной текстуры.

Ошеломленная собственными мыслями, Мими и не заметила, как тридцатипятимиллиметровый фотоаппарат «Лейка» снял ее.

– Эй, мальчик, что ты делаешь? – крикнул Брат Вэнь.

Фотоаппарат держал мальчик в школьной форме, местный. Дети «мусорных людей» не могли позволить себе учиться в настоящих школах и посещали лишь временные школы, которые организовывали для них волонтеры. У них даже тетрадки общие были, а о школьной форме им приходилось лишь мечтать. В маленьких руках школьника фотоаппарат выглядел до смешного огромным. Мальчик понимал, что он здесь чужой, и замер, испуганный и безмолвный.

– Неужели ты думаешь, что можешь снимать всех, кого тебе вздумается? Надеюсь, что ты готов заплатить за это.

– Я... у меня денег нет. Мой папа...

– Я знаю, что твой папа богат. Когда он узнает, что ты сюда пробрался, он тебя хорошенько отлупит.

Вэнь двинулся вперед, держа шлем в руках и старательно изображая добродушную улыбку.

– Давай договоримся. Если ты мне поможешь и наденешь этот шлем, все останется между нами. Идет?

– Брат Вэнь!

Мими хотела еще много что сказать, но Вэнь развернулся к ней и знаком приказал ей молчать.

Мальчик посмотрел на шлем, с секунду подумал и кивнул.

Мими отвернулась и не смотрела, пока не услышала знакомый хруст, за которым последовали вскрик и громкий плач. Закрыла глаза, сделала глубокий вдох и досчитала до трех. Потом открыла глаза, встала и пошла к мальчику. Помогла ему снять шлем и очистить рану. В его коже ниже затылочной кости была крохотная дырочка, как от иголки, из которой сочилась кровь.

– Все хорошо. Все в порядке.

Она изо всех сил старалась не смотреть на Вэня, боясь, что не сможет скрыть пылающую в ее глазах ярость.

- Ты хороший мальчик. Иди домой быстрее.

Мими поцеловала мальчика в лоб. Когда она маленькой была, мама всегда целовала ее в лоб, если она спотыкалась или падала, так, будто это могло ослабить боль. И это всегда помогало. Она еще раз поцеловала мальчика в лоб, и тот запрокинул голову, глядя на нее с благодарностью. На его покрытом пылью лице были полосы от слез. В следующее мгновение он бросился бежать со всех ног, и вскоре его фигурка исчезла за поворотом пыльной дороги.

- И какое тебе дело? Он всего лишь неженка, из местных, - громко сказал Брат Вэнь. - Ты разве забыла, как они с нами обращаются? Как они обращаются с нашими детьми? Я ради тебя это сделал. Что, если этот шлем...

- Но он же ни в чем не виноват, - пробормотала Мими и пошла в сторону своей хижины.

- Помни, близится день расплаты.

Эти слова еще долгое время звучали в голове Мими.

- Этот день близится.

За день до Праздника Духов, спустя месяц после случая со шлемом и мальчиком, на территории клана Ло...

Лицо лосинпу[7 - loh4sing7pua5.], местной ведьмы, уроженки Кремниевое Острова, выглядело особенно отталкивающим в свете телесной пленки, наклеенной на ее лоб и светящейся зеленым светом. Ее глаза, глубоко запавшие под надбровными дугами, походили на два бездонных высохших колодца, от их радужки не отражался ни единый лучик света. Она медленно бормотала неразборчивые древние заклинания под аккомпанемент электронной молитвенной машины, раскачиваясь, будто слепое животное. Одновременно с произнесением заклинаний она кропила углы комнаты лекарственной смесью на

основе шафранового масла и дюжины лекарственных растений, среди которых были японская императа, трава сеньчао[8 - Si?ng1cao2 (Mesona chinensis) – травянистое растение из семейства мяты, в западных странах известна как главный компонент для желе на травах.], листья персика и китайская пихта. Кропилом ей служила ветка гранатового дерева.

Капли священного масла, предназначенные для изгнания злых духов, попадали и на неподвижное тело, лежащее без сознания посреди комнаты. Прозрачные капельки покрывали лицо мальчика, будто крохотные слезинки, которые никто не стер.

Ло Цзиньчен с беспокойством смотрел на происходящее. Ничего лучше он уже сделать не мог. Врачи диагностировали у его юного сына Ло Цзысиня редкую форму вирусного менингита, но не смогли идентифицировать вирус, выделенный из спинномозговой жидкости. Хотя в настоящее время внутричерепное давление у мальчика было в норме, он продолжал оставаться в глубокой коме, а электроэнцефалограмма была медленной и нечеткой. Врачи сказали, что мозг мальчика в состоянии, похожем на режим сна у компьютера, – ключевые показатели не свидетельствуют о каких-либо отклонениях от нормы, но кортикальная активность подавлена так, будто мозг-компьютер ожидает, что ему дадут команду на включение.

Если нельзя решить проблему методами этого мира, говорили старшие, то лучше верить ее решение богам и духам.

Лосинпу сказала, что малыш Цзысинь соприкоснулся с чем-то нечистым. Если он повздорил с духом, то его душа могла сбежать от испуга. Чтобы вернуть ее, нужно выполнить ритуал «собирания души».

Ло Цзиньчен слушал гипнотическое бормотание ведьмы, вспоминая, как ребенком присутствовал на ритуале экзорцизма. С позиций его нынешнего жизненного опыта этот ритуал был подобен разрешению некоего финансового спора на границе между миром живых и миром мертвых. Как и в обыденном человеческом мире, большую часть проблем можно было решить деньгами. После того как медиум называл цену, которую требовали духи, родственники пострадавшего собирали нужное количество призрачных денег, и старшие члены клана приносили их к ложу пострадавшего, преклоняли колени, склоняли головы и подносили выкуп. Надо было опускаться на колени по числу лет пострадавшего, а потом призрачные деньги разбрасывали в переулках и за

пределами деревни, выполняя ритуал под названием «искупление». В те времена правительство еще не запретило вырубку леса, и бумага была дешевой, да и призраки, похоже, требовали не слишком много.

Если состояние пострадавшего было очень сложным, тогда выполнялся ритуал «жертвоприношения на дороге». Для этого было необходимо устроить пир на перекрестке дорог. Дабы выказать набожность, готовить еду для пира следовало, выполнив ритуал очищения рук, и поварам не дозволялось пробовать то, что они готовят. Прохожие не должны были выказывать удивление или страх, и они должны были проходить мимо места ритуала не оглядываясь, иначе состояние пострадавшего могло передаться им. Местные знали, что нельзя касаться пищи, предназначенной духам, однако ныне на Кремниевом Острове жило слишком много неверующих и невежественных «мусорных людей», так что достаточно часто рассказывали, что люди дрались между собой за пищу, поднесенную духам. Не имея возможности предотвратить осквернение ритуалов, местные постепенно перестали их проводить.

Ло Цзиньчен даже представить себе не мог, что когда-нибудь станет играть главную роль в подобном ритуале. Будучи верующим буддистом, он устроил у себя дома алтарь, а по большим праздникам жертвовал приличные суммы денег на благовония и подношения для молитв об удаче. Правда, некоторые шутили, что с тех пор, как бизнес Босса Ло распространился по всему миру, наверное, даже Будде сложно будет уследить за всеми его делами. Ло понимал, что не слишком отличается от остальных китайцев – не то чтобы он очень сильно верил в Будду, скорее он поклонялся прагматизму. Главным практическим эффектом его веры была возможность снять груз со своего сердца.

Не карма ли это? Ло Цзинь-Чен вздрогнул, представив себе, будто из пустоты на него смотрит холодный взгляд, оценивая его душу. По слухам, когда «Долгое Процветание» подходило к Гонконгу, там кто-то погиб. Боссы других кланов решили, что судно принесет с собой неудачу, и отказались принимать с него груз, поэтому Ло купил все, и по низкой цене. Дерзость всегда была основой его успеха в делах, с тех пор, как он возглавил клан Ло и стал строить свою бизнес-империю. Похоже, его сын унаследовал от него это качество.

При мысли о сыне его сердце сжалось, будто его грудную клетку присоединили к мощному вакуумному насосу.

Лосинпу, похоже, уловила какой-то необычный запах и резко повернулась к столу его сына. На ее лбу замигал зеленым иероглиф «чи», «приказ», так, будто она с большой скоростью получала информацию из эфира. Она глядела на изящную фотографию в рамке. На сливочного цвета циновке под фотографией золотом светилась строка текста: «Первое место, «Кубок Зеленого Острова», фотографии школьников, Первая Начальная Школа Кремниевых Островов: Ло Цзысинь».

– Это «мусорная девка», – сказала лосинпу, показывая на человека на черно-белой фотографии с абсолютной уверенностью.

– Она?

Ло Цзиньчен взял в руки фотографию. Фон на ней выглядел знакомым, но, если честно, все хижинки «мусорных людей» выглядели одинаково.

– И что мы должны сделать, чтобы Хим-жи лучше стало? – спросил он, назвав сына уменьшительно-ласкательным именем[9 - На местном тополекте имя Ло Цзысиня читается как Lo5 Zi2 Him1; Him1?ri5 получается из последнего иероглифа имени с добавлением уменьшительного суффикса.].

– Ты должен найти эту девушку и в восьмой день следующего лунного месяца провести ритуал «масляного огня».

Ло Цзиньчен вздрогнул. Он слышал от старших о таком ритуале, но никогда не видел его своими глазами. Говорили, что это последнее средство, которое остается у богатых семей, если кто-то из их близких при смерти и когда уже попробовали все остальные способы. Ведьма должна была выкрасить себе лицо подкрашенным тунговым маслом, раздеться, надеть многоцветное платье, взять в руки наполненную маслом фарфоровую чашку, над которой произнесено заклинание, зажечь масло и бегать по улицам и переулкам в полночь, громко завывая, будто мечущийся в темноте заживо горящий человек. Если какой-либо случайный прохожий вскрикивал от страха, ведьма должна была разбить чашу с горящим маслом о ближайшую стену и издать оглушительный визг. В этом случае тот, кто вскрикнул от ужаса, умрет вместо пострадавшего, в качестве «вопящей подмены».

Закат; на западе садится солнце,

И семьи закрывают двери крепко.

Цыплята, гуси, даже вороны – все в гнездах;

Детишки малые, скорей домой.

Лосинпу снова начала распевать заклинание, отпуская духов обратно, включив в качестве аккомпанемента классическую мелодию «Со Нань Чжи»[10 - Классическая народная опера, популярная еще со времен династии Мин (1368-1644).]. Печальная музыка, наполненная грустью, заставила Ло Цзиньчена ощутить холодок по спине. Зловещий зеленый свет на лбу лосинпо наконец-то погас, и Ло спешно включил яркие лампы накаливания, дабы быстрее вернуться в прагматическую реальность.

Мими бежала, но ее ноги, казалось, увязли в зыбучем песке. Чем сильнее она старалась, тем тяжелее ей становилось двигаться дальше.

Она не помнила, как долго она бежала, не помнила и то, где она. Было лишь четкое ощущение срочности, которое не давало ей сдаться и перестать пытаться бежать, хотя за ней никто и не гнался. Не было никакой конкретной угрозы, лишь некое бесформенное и безымянное предчувствие, накатывающее с моря, от самого горизонта. Краем глаза она, казалось, видела неопишное свечение, в некотором смысле радужное, такое, какое можно увидеть на металлических покрытиях или в свете, преломленном кристаллами, переливающееся и движущееся, подобно накатывающимся волнам или летящим по небу облакам, которое пожирало неясное черно-белое пространство позади нее.

Мими ощутила, как свечение коснулось ее тела. Мир неожиданно будто опрокинулся. Мгновение назад она бежала по ровной земле, а теперь она карабкалась вверх по отвесному утесу. Сила тяжести теперь оказалась не под ногами, а позади, будто уходя в бесконечность, к горизонту. Мими пыталась за что-нибудь схватиться, но все вокруг было плоским и гладким, будто поверхность зеркала. Она закричала, но не услышала никакого звука.

Впереди было лишь падение, бесконечное падение.

Помогите!

Ощущение свободного падения ушло, на смену ему пришло нечто неподатливое. Мими поняла, что так и лежит на своей заплесневелой деревянной кровати. Проникающий сквозь веки неяркий свет подсказал ей, что уже начался новый день. Она уже неделю жила на территории клана Чень.

С тех пор как больше года мужчина из ее родной деревни лживыми посулами заманил ее на Кремниевый Остров, Мими впервые начала ощущать, что жизнь не настолько уже и плоха.

Каждое утро, около семи часов, все восемь женщин, жившие в этой хижине, просыпались в течение минут пяти. В будильниках не было никакой нужды, как и в петухах или каком-либо еще средстве. Они просыпались так, будто лучи света запускали некий биологический механизм, скрытый в их телах. Заправляли постели, умывались и чистили зубы у каменного корыта, покрытого зеленым мхом, и белая пена из корыта медленно стекала в квадратный пруд, откуда перетекала в пруд для промышленных и бытовых отходов, покрытый радужной масляной пленкой. Далее вода проходила долгий путь по трубам и канавам, но в конечном счете, как и все на этом острове, сливалась в море, без прикрас.

Все в точности как тот мошенник ее матери говорил: «Езжай на юг! Ей нужно ехать на юг! Все рабочие-мигранты едут на юг. О чем ты вообще раздумываешь?»

Но на самом деле Мими куда сильнее задевали другие его слова.

«Погляди, сколько присылают другим семьям денег их дети, каждый месяц. Что, ты все еще надеешься, что ее отец разбогатеет и вернется домой?»

Мими каждый раз с трудом сдерживала гнев. Сложно сказать, отчего она больше злилась – оттого, что тот мужчина безжалостно говорил им правду, или оттого, что иллюзии, которые ее мать так долго холила, лелеяла и полировала, разбились в один миг, будто дешевый глиняный горшок.

Она не уехала из дома в шестнадцать, как остальные девочки в деревне, только потому, что отец говорил, что заработает достаточно денег, чтобы оплатить ей учебу в колледже. Но письма от него приходили все реже, а деньгами и вовсе не

пахло. Деревенские сказали матери, что многие мужчины, уехавшие в большие города, часто находят себе там других женщин и заводят новые семьи. Так что лучше ей принять это и надеяться только на себя. Дочери уже восемнадцать, пусть уезжает и учится сама жить в этом мире.

Мать ничего не говорила Мими, помогая ей собираться. Сунула ей в сумку большую банку пасты чили, которую сама приготовила, а потом обрезала ей волосы, даже короче, чем у ее младшего брата были.

Помни, Мими, не давай волосам отрасти длиннее, чем сейчас, сказала ей мать. А если заскучаешь по дому, съешь ложку моей пасты.

Мими обняла мать и плакала до тех пор, пока у матери рукава не намокли.

Совершенно вымотанные после двух дней и двух ночей в поезде, а потом еще и нескольких тряских переездов на местных грузовиках, нелегально перевозящих мигрантов, она и еще шесть человек наконец-то оказались на Кремниевом Острове. Все здесь было странным, все было в новинку. Влажный воздух, в котором от малейшего усилия тело покрывалось потом. Ночь, светлая, будто день, освещенная неоновыми огнями рекламы и бесчисленными экранами на улицах, заполняющими их, будто бестелесные духи. Вывески ночных клубов, соперничающих между собой в погоне за клиентами, по соседству с рекламой клиник по лечению венерических заболеваний. Пешеходы на улицах, смешно, почти сюрреалистически одетые, глядящие сквозь Мими и других приезжих, будто в пустоту.

Все это, конечно же, не имело к ним никакого отношения. Их место – в деревне Нанся, в трех километрах от города, в другом мире, мире, который они и представить себе не могли.

Тот мужчина врал так убедительно: «Ты будешь работать на утилизации пластика, это главная промышленность на Кремниевом Острове. У Босса Ло самые большие мастерские, и он лучше всего обходится с рабочими. Упорно работай, и пределом тебе станет только небо».

С тех пор она его никогда не видела. Представляла себе, как он появляется в других захолустных деревнях внутренних провинций, где повторяет все то же самое чьей-нибудь матери. «Езжай на юг! Ей надо ехать на юг!»

Так и приходилось выживать всем бедным.

Перед Мими лежала куча кусков пластика, разных цветов, будто кости, извлеченные из трупа какого-то животного. Кто же она тогда? Помойная собачка? Женщины-работницы с привычной легкостью сортировали пластик по видам. ABS, PVC, PC, PPO, MMA...[11 - Акрилонитрил бутадиен стирол, поливинил хлорид, поликарбонат, полифенил оксид, метил метакрилат.]если какой-то кусок было сложно идентифицировать, они поджигали его с края зажигалкой, чтобы определить тип пластика по запаху.

Мими осторожно вдохнула дым, слегка расширяя ноздри. Сильно вдыхать она не рисковала. Сладковатый насыщенный запах, раздражающий нос, а в горле такое ощущение, будто там черви копошатся. Мими поспешно макнула зажженный угол в воду, поднялась струйка дыма. Сдерживая тошноту, кинула кусок в корзину с маркировкой PPO. В деревне Нанься Мими приходилось сортировать десятки и даже сотни корзин пластикового мусора в день. К концу рабочего дня ей иногда казалось, что ее вытошнило больше, чем она съела до того.

Она слышала про устройства, которые называли «электронным носом», с их помощью можно было автоматически сортировать пластик по запаху. Однако цена у «электронного носа» была такая, что на эти деньги можно было нанять сотню молодых рабочих, таких, как она, и вряд ли машина работала бы столь же эффективно. Более того, машина может сломаться, и тогда потребуются ремонт, а рабочего можно просто отправить домой, заплатив пару юаней, если он заболел, не платя за него никакой медицинской страховки.

Человеческие жизни намного дешевле машин, подумала Мими. Но, если честно, в том случае, если боссы решат полагаться исключительно на машины, где искать работу таким, как она? Здесь она за два месяца больше зарабатывает, чем родители в деревне за год. Экономя на всем, она имеет возможность много откладывать. Она собиралась поработать некоторое время, а затем вернуться домой и на накопленные деньги открыть магазин, чтобы семья могла жить нормально. Она продолжала лелеять надежду, что когда-нибудь увидит на пороге дома отца, что она возьмет у него из рук тяжелые сумки с багажом. А потом вся семья усядется за стол, и они разделят трапезу в мире и спокойствии. Трапезу, которой, казалось, не будет конца.

Кроме того, она познакомилась здесь, на Кремниевом Острове, с множеством интересных людей, увидела огромное количество совершенно фантастических изобретений и устройств. Это настолько лучше, чем жить в захолустной деревне, где даже собакам так скучно, что они из конуры вылезти ленятся. То, насколько человеку удастся продвинуться в жизни, определяется его опытом, всегда говорил ей и остальным Брат Вэнь. Что бы он ни сказал, она лишь кивала и моргала, будто в точности понимала, что именно он имел в виду.

Эти мысли позволяли Мими не слишком сильно обращать внимание на мерзкие запахи.

Пойди отдохни, сказала ей одна из девушек. Мими вздрогнула. Она вдруг осознала, что теперь не работает на территории клана Ло. Поскольку она здесь оказалась по распоряжению Босса Ченья, все к ней относились очень внимательно, стараясь не загружать ее работой сверх меры.

«Мусорные люди» обычно считали, что все уроженцы Кремниевого Острова одинаковы. Они считают нас вонючим мусором, они задерживают дыхание и переходят на другую сторону улицы, увидев одного из нас. Но Мими не могла полностью согласиться с этим. Некоторые местные отличались от остальных. Например, Ло и Чень совсем разные. Хотя она и не могла сказать с уверенностью, происходит это потому, что члены клана Чень добрее к ней, или просто потому, что старший в клане сказал им так делать. Тем не менее пожилой мужчина из местных частенько улыбался ей, предлагал воды из бутылки, что на территории клана Ло было совершенно невыносимо.

Ей даже было немного стыдно, что ей так мало работы поручают. Она прервалась, глядя, как остальные чистят отсортированный пластиковый мусор, соскребая металлическими щетками бумажные этикетки и относя пластик в мастерскую поблизости, где машины резали на куски и размалывали отходы. Мими терпеть не могла стоять рядом с машинами, они так громко шумели, что, казалось, от этого шума ее внутренности вот-вот у нее через рот выскочат. Мельчайшая белая пыль прилипала к коже, будто впитываясь в поры, отчего начиналось раздражение и покраснение. Ни смыть их, ни счесать, когда чесотка начинается.

Им говорили, что размолотый пластик затем плавят и охлаждают, превращая в гранулы, которые затем продают на стоящие на побережье заводы, где они станут дешевой пластиковой продукцией, большую часть которой отправят на

продажу по всему миру, чтобы люди могли покупать дешевые товары с надписью: «Сделано в Китае». Когда эти товары сломаются или устареют, то они снова превратятся в мусор, который снова отправят в Китай, и цикл повторится.

Мир живет циклами. Это всегда казалось Мими захватывающим и чудесным. Циклы, благодаря которым машины продолжают гудеть, а у рабочих есть работа.

На третий день после того, как была спасена Мими, к хижине, в которой она ночевала, пришел Кайцзун. Он вел себя неловко, говорил напряженно, будто намеренно поддерживая определенную дистанцию. Представился совершенно формально, сказал, что надеется, что Мими согласится ответить на несколько простых вопросов. Как живут рабочие, какие у них условия работы, как все происходит в клане Ло.

Но Мими не смогла ответить даже на первый его вопрос, просто не знала, что сказать.

– Какое у тебя ощущение от Кремниевых Островов?

– Я не знаю...

Мими попыталась угадать скрытый смысл вопроса. И решила спросить его о том же.

– А у тебя какое от него ощущение?

Кайцзун посмотрел по сторонам, убеждаясь в том, что их никто не услышит.

– Я хотел спросить вот что. Хочешь ли ты изменить свою жизнь?

Нотки превосходства в его голосе разозлили Мими. Она гневно посмотрела на Кайцзуна.

– Я тяжело работаю, чтобы получить эти деньги. А как я живу – не твоё дело!

Кайцзун смущенно замахал руками.

– Я не это хотел сказать...

– Тогда что ты хотел сказать? – не унималась Мими.

Кайцзун сильно задумался, размышляя, как правильно сформулировать свои мысли, но в конце концов сдался.

– Наверное, я и сам толком не знаю, что я хотел сказать.

– Идиот, – не сдержалась Мими. И тут же пожалела об этом. Слишком уж она уже привыкла говорить грубо.

Кайцзун остолбенел. Ему мало доводилось общаться с людьми иного круга, и обычно люди не вели себя столь прямолинейно – и даже грубо. Но почему-то он на нее не злился.

Обернувшись, Мими заметила, что ее соседки подслушивают у двери хижины. И обрадовалась возможности сгладить грубость.

– Я имела в виду их.

Внутри хижины захихикали. Неловкость ситуации была преодолена, скорлупа, в которую заточил себя Кайцзун, спала, обнажив нежную мякоть внутри. Кайцзун посмотрел на Мими.

– Ты намного добрее моих однокурсников. Они меня обычно чокнутым называли, – наполовину в шутку, наполовину всерьез сказал он.

Мими прыснула. И поняла, что от взгляда на симпатичное лицо этого юноши у нее учащается пульс.

– Они правы. Ты немного чокнутый.

До переезда на Кремниевый Остров Мими видела мужчин в количестве не больше, чем карт в колоде. А о романтических отношениях знала только из телефильмов. Мать постоянно повторяла ей одну и ту же мантру: «Все мужчины одинаковы. Когда они за тобой ухаживают, ты богиня. Но когда они тебя заполучили, они об тебя ноги вытирать будут». Когда мама начинала говорить в этом ключе, то отец обычно молча курил.

И как же они тебя заполучат, обычно спрашивала Мими, сдерживая смех.

Мать обычно начинала запинаться и мямлить, не вдаваясь в подробности, но в конечном счете всегда приводила в пример себя. Всегда говорила Мими, что следует избегать встреч с мужчинами и оттягивать замужество, чем дольше, тем лучше, пока не найдешь того, кто тебе нужен.

Если не встречаться с мужчинами, как найдешь того, кто тебе нужен, спрашивала Мими.

Мать начинала причитать и ругаться, а отец, уже не в силах сдерживаться, хохотал. Вот такими были эти редкие моменты веселья в их доме. У Мими всякий раз ком в горле вставал, когда она это вспоминала. Так хотелось поскорее вернуться домой.

Странные сны о том, как она отчаянно убегает от неизвестной опасности, начались у Мими после того случая со шлемом, и она начала подозревать, что он каким-то образом на нее подействовал. Радужное свечение, которое появлялось на горизонте, потом распространялось на всю поверхность моря, будто красный прилив, случающийся здесь в определенное время года, когда миллиарды крохотных живых созданий плодились и росли в морской воде. Когда свет касался ее тени, настигая ее и заливая ее тело, ей почему-то становилось беспокойно, даже после того, как она просыпалась, хотя она и знала, что это всего лишь сон.

Она не была уверена, надо ли обсуждать этот сон с Кайцзуном. Он задавал очень много вопросов и, казалось, был искренне заинтересован получить на них ответы. Похоже, он хотел знать о ней все, не считая никакие подробности ни глупыми, ни незначительными. Но если она расскажет ему про сон, то придется рассказать и все остальное, в том числе про то, что случилось с тем маленьким

мальчиком. Не решит ли Кайцзун, что она такая же, как Брат Вэнь, держащая внутри себя скрытую вражду к местным? Она до сих пор жалела, что тогда не вмешалась и не помешала причинить вред мальчику, и пока что не была готова рассказать Кайцзуну о том, что произошло.

Почему тебя так волнует, что он о тебе подумает? Мими тряхнула головой, стараясь отогнать эти хаотические мысли. Ты ничто, просто часть его исследований для этого его проекта, объект опроса, представитель «мусорных людей». Ты ничто. Ей показалось, что она поняла причину ее глупых чувств. Все эти голливудские фильмы, шаблоны, мыльные оперы. Герой, спасающий красавицу, красавица, влюбляющаяся в героя. Но ведь она не красавица, а он не герой. Любой назвал бы его просто самодовольным богатым мальчишкой. Однако Чень Кайцзун приходил к ней чуть ли не каждый день, интересовался, насколько она в безопасности, задавал вопросы, на которые она с трудом могла найти ответ. А когда она переадресовывала эти вопросы ему, то честно старался на них ответить.

Он многое рассказал Мими о жизни и обычаях по ту сторону Тихого океана, такое, что она бы никогда в жизни не узнала. Взамен Мими показывала ему тайные места Кремниевых Островов, те, о которых не знали даже местные. Приливы в бухтах, розовый закат солнца, черные струи грязной воды, низвергающиеся в море, механические судороги трупов чипированных собак, под воздействием электронных сигналов.

– Ты не боишься, что они о тебе говорить станут? – спросила Мими Кайцзуна.

– О чем?

– О том, что ты все время среди «мусорных людей», что позоришь имя семьи Чень.

Последние слова Мими произнесла, опустив глаза. Волны ласково накатывали на берег, будто слегка покусывая его; вода обтекала их ноги у лодыжек, омывая их белой пеной; в воде не было ни ракушек, ни крабов, только мусор, мусор, сброшенный в море и который море выкидывало обратно волнами, распространявшими тяжелый запах.

– А ты не боишься, что они о тебе говорить станут?

– О чем?

– О том, что ты все время проводишь с поддельным иностранцем, позоришь «мусорных людей».

Кайцзун сказал это с совершенно серьезным лицом, и Мими широко улыбнулась.

После того как Мими привели работать в мастерскую на территории клана Чень, Кайцзун каждый день с ней общался, пытаясь лучше понять, как живут «мусорные люди». Как и все остальные, она поначалу относилась к нему настороженно, говорила холодно и бесстрастно, подобно тому, как можно было бы отвечать незнакомцу, проводящему опрос на улице. Это продолжалось до тех пор, пока Кайцзун не стал есть и работать вместе с ними, вдыхать тот же запах горелого пластика, который они вдыхали, погружать руки в наполненные химикатами ванны, в которых очищали куски пластика. Она постепенно осознала, что внешний вид этого юноши обманчив. Он не такой, как большинство местных, глядящих на мигрантов с предубеждением. Даже его слова и жесты неуловимо отличались от них. Будто его кожа китайца была лишь маскировкой, под которой скрывался человек странной расы, для нее непонятной.

Они находили все больше тем для разговоров. Голова Мими была наполнена бесчисленными «почему». О самом Кайцзуне, обо всем, что происходит на другой стороне Тихого океана. Она кивала, выслушивая его сухие объяснения и понимая их лишь наполовину, а потом тут же задавала другой вопрос, совершенно невпопад.

Было несколько загадок, которые уже некоторое время ее беспокоили.

Например, мертвая собака.

Труп собаки, весь в порезах и ссадинах, лежал рядом с кучей сожженных печатных плат. Из-за жаркой погоды тело уже раздулось, будто сердитая рыбка-собака, и в любой момент могло лопнуть, обнажив копошащихся в гниющих тканях червей. Зловонный запах разложения смешивался с запахом горелых печатных плат и был совершенно непередаваем.

Поначалу Кайцзун удивился тому, что никто не убрал труп собаки, но вскоре он узнал причину этого.

– Я его часто подкармливала. Он хозяину надоел, и другие собаки с ним водиться не хотели.

Мими присела на некотором расстоянии от трупа, будто пытаюсь телепатически передать свое сожаление.

– Как его звали? – спросил Кайцзун.

– Хороший Пес. Я просто называла его Хорошим Псом.

Мими улыбнулась.

– Он перед всеми хвостом вилял, но на это никто внимания не обращал.

Кайцзун сделал пару шагов в сторону мертвого пса. Мими уже хотела остановить его, но было поздно. Хвост собаки начал вилять, быстро и сильно, подымая с земли пыль. Это выглядело смешно и страшно одновременно. Кайцзун инстинктивно попятился. Хвост замер. Но как только он снова приблизился, хвост снова начал двигаться.

– Страшновато, правда? – печально сказала Мими. – Будто его душа до сих пор заточена внутри его тела, если, конечно, у собак душа есть. Но он действительно хорошим псом был, не таким, как остальные, что все время на людей бросаются, лают и кусаются. Почему же судьба уготовила ему такое?

Кайцзун уже подметил, что «мусорные люди» придерживались анимистического взгляда на мир. Они молились ветру, морю, земле, очагу в надежде, что прибывающие из далеких стран контейнеры будут полны хороших вещей, которые будет легко переработать или отремонтировать, что они не будут токсичными. Они ощущали некое раскаяние, разделяя на части искусственные человеческие тела, ведь японские изделия были настолько натуралистичны, что возникало ощущение, что режешь живую плоть.

Насчет Хорошего Пса он догадался сразу. Видимо, неудачный эксперимент по созданию киборга.

Очевидно, предполагалось, что он станет вести себя точно так же, как остальные чипированные собаки – нападать на всех, от кого не исходит заданный сигнал; но, видимо, что-то получилось не так при имплантации чипа, и пес вилял хвостом вместо того, чтобы нападать. В здешней параноидальной обстановке, где каждый был постоянно начеку и в любом встречном предполагал врага, добрый пес был обречен на такое же обращение, как и добрый человек.

– Глупости! Нет никакой души. Он мертв, просто сервоприводы в его теле еще работают.

Кайцзун долго пытался объяснить Мими, как протекает жизнь чипированных собак. Затем вытащил из кармана телефон, и Мими с сомнением посмотрела на него. Директор Линь предоставил Кайцзуну и Скотту временную авторизацию на острове, чтобы на них ни одна собака не напала случайно. Кайцзун передал с телефона кодовый сигнал, а потом махнул Мими рукой, подзывая ее. Мими нерешительно пошла вперед.

Хвост Доброго Пса остался в неподвижности.

Мими шумно выдохнула. И посмотрела на Кайцзуна со смесью восхищения и разочарования. Будто скрывающий мир туман немного рассеялся, с одной стороны, открыв истину, с другой – лишив мир малой доли очарования. Кайцзун тоже немного жалел о сделанном. Быть может, иногда стоит не сводить к механической логике материализма некоторые вещи, сохранить хоть частичку первозданной красоты и загадочности.

Это вечная дилемма – позволить кому-то и дальше пребывать в детских фантазиях как можно дольше или насильно погрузить его в жестокую реальность мира, как можно скорее.

Но как-то ночью, на берегу моря, под небом, полным сверкающих звезд, Кайцзун выбрал третий путь.

Они наняли электрический сампан и вышли в море на закате. К тому времени, когда они добрались до аккуратной кромки искусственной береговой линии, небо и море вдали слились, приобретя цвет индиго. Воздух был наполнен тихим рокотом и ритмичным плеском волн о берег, прерываемым лишь редкими криками морских птиц. Царила чудесная гармония.

– Это электростанция? – спросил Кайцзун, показывая на два гигантских куполообразных сооружения неподалеку. Рядом с ними возвышалась большая дымовая труба, окрашенная в красные и белые полосы, будто фаллический монумент какого-нибудь дикого племени.

Мими не успела ответить, ее опередил лодочник.

– Точно! Посмотрите, какого цвета море рядом, совсем черное. Каждый день сточные воды в море сбрасывали, пока вся рыба не сдохла. Я раньше рыбаком был, а теперь вот могу только крохи собирать, туристов катаю...

Он внезапно умолк. Уже темнело, и разглядеть выражение его темнокожего лица было невозможно.

– Слышите, насос работает. Каждый день берут воду из моря, для системы охлаждения, и вместе с водой пару грузовиков рыбы и креветок всасывают. А потом токсичную еду на рынке продают. Грех, да и только!

– Дядя... – тихо прервала его Мими. – Мы сюда приплыли, чтобы морские огни посмотреть.

Лодочник счел за лучшее перестать жаловаться. Повернулся к рулю и повел сампан к другому краю берега. Здесь морская вода пахла резче, и от нее шло тепло. Видимо, где-то поблизости выходила вода из системы охлаждения.

– Гляди! – сказала Мими, хватая Кайцзуна за руку и показывая на темную поверхность моря.

Кайцзун посмотрел туда, куда она показала. Глаза уже привыкли к темноте, и в глубинах темно-зеленой, будто агатовой воды он увидел сине-зеленые светящиеся точки. Сначала их было немного, но их становилось все больше, они

начали образовывать линии и пятна, будто постепенно поднимаясь из глубины, пока не стали отчетливо видны их очертания. Сотни тысяч маленьких прозрачных колокольчиков. Они ритмично пульсировали, сокращаясь и расширяясь, мягко и изящно, как в танце, будто бесчисленные светодиодные лампы, мерцающие в море, будто колеблющийся вихрь звездного неба, вышедший из-под кисти Ван Гога. Казалось, что сампан плывет в море звезд, что его пассажиры видят сон, а их эмоции колышутся в такт волнам, до головокружения.

– Так мило, – сказала Мими. Ее лицо, залитое исходящим от моря светом, было будто слегка пьяное.

– Никогда столько медуз не видел, – ответил Кайцун, вспоминая «Аквариум» в Сан-Франциско, где он однажды побывал. – Почему они здесь собираются? Я думал, здесь вода токсичная.

– Слышал по телевизору, что свечение медуз вызвано реакцией между какими-то их белками и ионами кальция в сточных водах, – сказал лодочник. – Те, что вы видите, – уже второе поколение.

– В каком смысле? – спросила Мими.

– Сбросы с электростанции разогревают воду, искусственный берег снижает силу прибоя; поэтому каждую зиму медузы здесь плодятся. Малыши вырастают в небольшие стебельки со щупальцами для питания и растут до лета, а потом делятся на несколько взрослых медуз, дисковидных. Сейчас вы видите уже взрослых медуз.

– Все равно не понимаю, – сказал Кайцун, показывая на светящийся синим поток в глубине. – Их же обратно всасывает.

Подводное течение шло к какому-то водозабору, было видно, как прозрачные колокольчики медленно кружатся водоворотом, ускоряющим свое вращение по мере приближения к заборному отверстию. Затем их светящиеся тела деформировались и разрывались на части, пропадая внутри. Их жизненный путь заканчивался, едва начавшись.

– Им каждый год приходится тратить много денег на забившиеся трубы, – сказал лодочник. – Но медузы плодятся быстрее.

Мими смотрела на происходящее, постепенно осознавая его.

– Что же это за родители, которые бросают своих детей в таком опасном и ядовитом месте? – выпалила она. – Их совсем собственные дети не заботят?

Кайцзун тихо усмехнулся. Такая наивная, но от этого он ощутил лишь новый прилив нежности по отношению к ней.

– Мисс, если бы они не здесь родились, их бы еще меньше выжило, – сказал лодочник.

– Я просто не понимаю. Почему люди не могут проявить сострадание, не подождать, пока эти малыши отсюда уплывут, и закачать воду потом? Желание денег не оправдывает убийство.

– Они не могут себе позволить даже о человеческих жизнях заботиться, не то что о медузах.

Прежний Кайцзун, наверное, в ответ разразился бы лекцией о том, что выживают сильнейшие, закончив тем, что постройка электростанции придала импульс эволюции этого вида медуз, что выжившие потомки будут лучше приспособлены к окружающим условиям, быстрее реагировать на перемены и станут более плодовитыми. Но Кайцзун нынешний погрузился в молчание. Стоящая перед ним девушка была живым примером и жертвой именно такого подхода – она и такие, как она, покинувшие свои дома и приехавшие сюда под лозунгами «экономического развития», чтобы зарабатывать себе на жизнь среди грязи и ядов, терпя высокомерие и эксплуатацию со стороны местных и рискуя умереть здесь, вдали от дома и родных. Не мог сказать, что «все это лишь для того, чтобы ваши дети и их дети жили лучше, чем вы», даже если это и было бы правдой.

– Вы правы, – сказал он, сам себе удивляясь. – Рано или поздно карма настигнет всякого.

– Рано или поздно, – отозвался лодочник.

Мерцающее сине-зеленое сияние на лице Мими постепенно угасало, пока в темноте не остались видимыми лишь ее глаза, отражающие слабый свет моря, будто две тусклые звезды, не входящие ни в одно из созвездий, мерно вздымающиеся и опускающиеся в такт морским волнам. Кайцзун видел лишь смутные очертания ее тела, но не мог оторвать взгляд. Будто пространство вокруг нее искривилось, и все звезды вокруг померкли на ее фоне.

Мими подняла руку и показала в темноту.

– Смотри.

Кайцзун прищурился, но не увидел, на что она показывает.

– Я?то думала, у вас, иностранцев, у всех контактные линзы с дополненной реальностью, – сказала Мими, разворачиваясь и глядя на него. – Странный ты, Поддельный Иностранец.

– Не у всех, – ответил Кайцзун, неуклюже пытаясь пригладить волосы, растрепанные морским ветром. – Мои родители перешли в христианство уже взрослыми, и в их фундаменталистской церкви считается, что людям дозволено взирать на мир лишь теми глазами, которыми их Бог наградил. Любое протезирование для усовершенствования тела рассматривается как нарушение воли Божией, поскольку мир должен быть прожит и осознан природным способом, таким, каким сотворил его Бог.

– Ой... – сказала Мими, пытаясь осознать его тираду. – Так ты... тоже в Бога веришь?

– Я атеист, но поскольку я китаец, то сыновняя почтительность – мой первейший долг; я стараюсь уважать их веру.

Мими молчала, будто что-то вспоминая. Повернулась, глядя на море, над которым начали проступать темные тени, будто хребты странных животных.

– Вон там – Павильон Созерцания Прибоя.

Она повернулась к лодочнику.

- Дядя, не отвезете нас к Пляжу Созерцания Прибоя?

- Мисс, уже поздно. Зачем вам это несчастливое место?

Кайцзун уловил в голосе лодочника тревогу.

- Просто посмотреть, - тихо, но настойчиво ответила Мими.

Пляж Созерцания Прибоя находился не совсем в том месте, где Павильон. Здесь Кремниевый Остров выставил в море длинный изогнутый плес, будто щупальце, огибающее лагуну площадью в несколько квадратных километров. Павильон располагался на кончике щупальца, а серповидный пляж на плесе называли Пляжем Созерцания Прибоя.

Волны, входя в лагуну, перекатывались через подводные рифы, и на них появлялась серебристая пена; когда они доходили до берега, то снова вспенивались, образуя вторую серповидную линию, выгнутую в другую сторону. Местные называли их «Два Прибоя, Отражающие Луну». Хотя это и выглядело очень красиво, похоже, мало кто приходил сюда, чтобы полюбоваться этой красотой.

Сампан слегка вздрогнул, переваливая через внешний серп. В небе плыли облака, и пробивающийся меж них лунный свет пятнами освещал воду. Тени облаков двигались вместе с сампаном, и его пассажирам казалось, что они застыли на месте, но потом они вдруг увидели перед собой светлый песок пляжа.

Лодочник остановил сампан.

- Дальше я идти не могу.

- Здесь?

Кайцзун еще не успел закончить фразу, а Мими уже с плеском прыгнула в воду, оказавшись в ней по пояс. Кайцзун принялся лихорадочно стягивать ботинки и носки, но Мими подпрыгнула, хватая его за руку, и сдернула его в море, разбрызгивая воду.

– И зачем? – недовольно спросил Кайцзун, вставая, промокший с ног до головы.

– Будьте осторожны, хорошо? Когда на берег выйдете, не сходите с дороги, которая ведет к деревне.

Сказав это, лодочник тут же включил мотор и повел сампан прочь от берега.

Бултых. Воспользовавшись тем, что Мими отвлеклась, Кайцзун провел ладонь по воде, окатывая ею Мими.

– Теперь поровну, – самодовольно сказал он.

В лунном свете волосы Мими были будто покрыты сверкающими жемчужинами, которые скатывались по мокрым прядям, оставляя сверкающие дорожки на ее лице. Плотнo облегающая ее тело черная футболка отражала лунный свет, как рыба чешуя. Ветер раздувал облака, и влажные глаза Мими вдруг ярко вспыхнули, будто под ее блестящими веками скрывались сверкающие моря. На фоне поверхности моря ее лицо обрамлял круг света, как гало вокруг Луны. Кайцзун затаил дыхание, глядя на то, как эта богиня Луны идет к нему сквозь воду.

Богиня поглядела на него, тихо сказала одно слово, развернулась и пошла к берегу.

– Идиот.

Они лежали на пляже, усталые, не обращая внимания на прилипающий к их телам песок. Сюда мало кто приходил, поэтому тут было куда чище, чем на других пляжах Кремниевого Острова. Волны ритмично накатывали на берег, а звездное небо в просветах меж облаков медленно двигалось над ними. Кайцзун слушал звук дыхания Мими, тихого и медленного, будто доносящегося из глубин космоса.

Это совсем иное. Кайцзун вспомнил других девушек, с которыми он был знаком, – его одноклассниц, породистых и модных уроженок Восточного Побережья, идеально адаптированных к обществу. Нет, отличие было не только в демографии, это было нечто более глубокое, контраст, который он не мог описать словами, но совершенно отчетливо чувствовал. Душа. Мими часто употребляла это слово. Наверное, в этом и дело.

– Чем ты хочешь заняться в будущем? – спросил Кайцзун, глядя на звезды. Сказал так, будто задал этот вопрос и ей, и самому себе.

– Заработать достаточно денег, чтобы открыть магазин, у себя дома, чтобы родителям не надо было так тяжело работать.

– Я имел в виду... ты хочешь сделать это для себя?

Долгое молчание.

– Я не знаю... никогда об этом не думала.

Она снова умолкла, ненадолго.

– Я хочу отправиться куда-нибудь далеко, очень далеко, узнать много нового, как ты.

Она рассмеялась.

– Быть может, в следующей жизни, – с наигранной легкостью добавила она.

Кайцзун даже не знал, что ответить на это.

На протяжении долгой истории человечества существовали разные философские школы. Одной из основ философии, то и дело проявлявшейся среди людей, была идея следования скрытым законам вселенной, слепой веры в естественное равновесие, существующее в мире. Бог был добр ко всем Его детям, и Небеса отбирали от излишнего, восполняя недостающее[12 - Это цитата из семьдесят седьмой главы «Дао Дэ Цзин», философского трактата Лао-цзы, китайского мудреца, жившего в шестом веке до н. э.]. Всем правит судьба.

Сталкиваясь с несправедливостью реального мира, люди пытались найти иные свидетельства себе в утешение. Если Небеса наградили кого-то положением в обществе, богатством, красотой, талантом, здоровьем... значит, совершенно точно, что они взяли за это нечто иное в качестве платы. Если таковых свидетельств не находилось, то приходилось принять теорию перевоплощений, гласящую, что за несчетные времена каждый испытывал недостаток и лишения, в результате соблюдая закон равновесия. Кайцзун отрицательно относился к теории о законе сохранения в отношении судеб, но, возможно, люди нуждались в такой теории не потому, что она истинна, а потому, что она давала им утешение в ограниченных условиях их жизнью.

Его размышления прервало смеющееся лицо. Мими дернула его за руку, поднимая с песка, и они побежали, вместе, на другой конец тьмы.

Но ведь он местный!

Так говорили ей остальные девушки. Да, он уроженец Кремниевых Островов, но не такой, как другие. Пусть он иногда и выглядел глупо, он никогда не называл их «мусорными людьми»; его взгляд был добр и внимателен, и он никогда не боялся посмотреть кому-то в глаза; на людях он не плевался и не ругался; и, что самое странное, у него не было ни одного импланта, и он не пользовался дополненной реальностью. Кайцзун был похож на астронавта, только что вернувшегося на Землю из путешествия в несколько световых лет, вышедшего из стерильного спускаемого аппарата и очутившегося в аду и грязи.

Она привыкла к тому, что Кайцзун приходит к ней каждый день, ждала этого, другие девушки над ней посмеивались. Но их дружба становилась все крепче, и вместе с этим Мими чувствовала нарастающую в глубине души панику. Что, если он просто перестанет к ней приходить?

Она знала, чего она боится на самом деле. Она боялась того, что ее привлекает не человек по имени Чень Кайцзун, а его манера изящно одеваться, его идеальный Современный Мандарин, так странно звучащий для нее, его ученость – все то загадочное и экзотическое, что было воплощено в нем для нее. Она боялась, что все это создало в ее голове некую идеализированную иллюзию первой любви, повлекшую за собой нереальные мечты о том, что она для него – тоже особенная, уникальная и единственная, в той же мере.

Она вспомнила, как единственный раз в жизни влюбилась в мальчика. Еще в школе училась, в городке рядом с ее деревней. В параллельном классе учился мальчик, высокого роста и симпатичный, будто персонаж манги. Каждый раз, проходя мимо двери класса, где он учился, Мими намеренно сбавляла шаг, чтобы лишние пару секунд посмотреть на него. Иногда в этот момент он смотрел в сторону двери, они несколько раз встречались взглядами, и в эти мгновения ее сердце дрожало, как испуганный кролик. Он на меня смотрит? О чем он думает? Кажусь ли я ему хорошенькой? Сможем ли мы поладить?

Эти фантазии мучили ее, и она наконец осмелилась попросить одноклассника спросить того мальчика, что он о ней думает. Судя по смущенному взгляду мальчика, он и понятия не имел, кто такая Мими, и ее далеко идущие планы разрушились в мгновение ока.

Она пообещала себе, что больше никогда не позволит себе так фантазировать. Никогда. Когда Кайцзун как-то раз шутливо высказался по поводу ее мальчишеской стрижки, она сразу же решила, что больше не будет слушаться совета матери и отрастит волосы хотя бы до плеч, ради него, а может, и до пояса, хотя это и будет доставлять ей постоянные неприятности, такие, какие у нее были, когда она жила дома.

Но в следующее же мгновение Мими холодно сказала Кайцзуну:

– Это мои волосы. Мне совершенно плевать, что о них другие думают.

Однако сегодня, когда она его уже час прождала на хорошо знакомом грязном перекрестке, Кайцзуна все не было.

Она начала чувствовать себя брошенной и тут же выругала себя за это ощущение. Какая нелепость. Мими сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, стараясь избавиться от тревоги, вьющейся вокруг нее, будто облачко moskitov. Она знала, что ей надо. «Халкионские Дни».

Ей надо найти Брата Вэня.

Ло Цзиньчен стоял на плоской крыше своего дома, глядя на океан. Морской ветер дул через просветы парапета, неся с собой дух перемен.

В отличие от домов остальных местных жителей, окна которых были закрыты решетками против грабителей так, что их обитатели всегда видели небо в клетку, особняк Ло был выстроен на утесе у моря, так что от грабителей его защищали крутые склоны. Дополнительную безопасность обеспечивали камеры видеонаблюдения и чипированные собаки. Ло предпочитал смотреть на мир без ограничений. Из его дома открывался вид на гавань Шаньтоу, а в хорошую погоду был виден даже мост через залив, перекинувшийся через океан, будто гигантская паутина.

Если клан Чень действительно решил действовать заодно с «ТерраГрин Рисайклинг», ситуация осложняется. Три года назад, когда произошел коллапс цен на сталь и медь на международном рынке, это сильно ударило по клану Чень. Воспользовавшись возможностью, кланы Ло и Линь перехватили у клана Чень множество высокодоходных активов. Два семейства даже пошли на сговор с покупателями, чтобы искусственно занижить цены, в попытке окончательно похоронить клан Чень, но члены клана сплотились и объединили ресурсы, чтобы пережить кризис. Теперь, похоже, клан Чень решил пойти на сговор с иностранцами, дабы возвыситься и обрести прежнюю силу.

Тесак пришел к нему и доложил, что клан Чень перехватил эту «мусорную девку» по имени Мими, и в этом даже замешан кто-то из «ТерраГрин».

Зачем же им так возиться из-за какой-то «мусорной девки»?

Ло Цзиньчен пытался рассмотреть проблему со всех сторон, но никак не мог найти ответа. В том, что болезнь Цзысиня еще остается тайной, он был уверен. Лосинпу принадлежала клану Ло, и она не настолько глупа, чтобы проговориться. В любом случае это непохоже на Ченя Сянь-Юня, если только там нет еще какой-то тайны по поводу этой девушки. Ло Цзиньчен приказал Тесаку остерегаться действовать неосмотрительно на территории клана Чень, но, если ему снова предоставится возможность, второго провала Ло не потерпит.

Между ним и кланом Чень не было какой-то особенной вражды. С его точки зрения, все это было простой конкуренцией в бизнесе, но, раз уж оказались

замешаны иностранцы, дело принимает иной оборот, вне зависимости от того, белая кожа у иностранцев или желтая. Он не доверял им, это недоверие очень глубоко сидело внутри него.

Ло Цзиньчэну довелось посетить многие страны мира, он даже некоторое время пытался жить в Мельбурне, но в конце концов он все равно вернулся на Кремниевый Остров. Ему так и не удалось приспособиться к жизни среди этих западных людей, с их патологической вежливостью; он никак не мог привыкнуть, что на пешеходном переходе надо обязательно дожидаться зеленого света, не смог привыкнуть постоянно говорить «простите» по самому мелкому поводу, не смог привыкнуть к этим странным улыбкам, таким дружественным и таким лживым. Услышав, что он из Китая, они делали преувеличенно заинтересованные лица. О, как быстро растет китайская экономика! Как много китайцы покупают! И каждый раз: Как мне нравится китайская кухня!

Поначалу Ло Цзиньчэн относился к этому как к простым жестам вежливости, но потом он увидел демонстрантов на улицах Мельбурна, и наконец понял, что за этой похвалой скрываются ужас и отвращение. Тогда он слишком плохо знал английский, чтобы понять, что написано на транспарантах демонстрантов, но то, как жгли китайские флаги, было вполне понятно. Австралийцы считали, что китайцы взвинтили цены на местную недвижимость, что они отнимают у них работу, что дешевые китайские товары губят местное производство. Они сравнивали китайцев с саранчой, которая грабит австралийцев, забирая их ресурсы и скапливая невероятные богатства, при этом ничего не вкладывая в социальные программы и помощь неимущим.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прим. перев. В английском junk первым значением имеет «хлам, мусор».

2

Hia7suan1hou2, на Мандарине – сяшаньху, букв. «тигр, спускающийся с горы», традиционный тип дома в области Чаошань провинции Гуандун. Несколько частей дома находятся на разном уровне, в соответствии с принципами фэншуй, в результате чего постройка напоминает припавшего к земле тигра. (Здесь и далее – примечание Кена Лю).

3

В Китае принято отводить пассажиру более высокого ранга место на заднем сиденье машины.

4

Себк?g8cao2 (научное название *Gnaphalium affine*, сушеница родственная) – растение, используемое в традиционной китайской медицине и в восточной кухне в качестве ароматизатора для сладкой выпечки.

5

Gang1hu1 (гунфу, на Мандарине) – гунфуча, способ приготовления чая, зародившийся во времена династии Сун (960—1279 гг. н. э.) и особенно популярный в Чаошане. Сложный способ, предъявляющий строгие требования к каждому этапу приготовления чая – к качеству воды, силе огня, выбору чашек и чайника, методу заваривания и разлития чая в чашки и т. п. Термин «гунфу» не относится напрямую к боевым искусствам, а означает тщательно отточенные навыки и усердие в процессе исполнения любого дела.

6

seng2muk6zai2.

7

loh4sing7pua5.

8

Si?ng1cao2 (*Mesona chinensis*) – травянистое растение из семейства мяты, в западных странах известна как главный компонент для желе на травах.

9

На местном тополекте имя Ло Цзысиня читается как Lo5 Zi2 Him1; Him1?ri5 получается из последнего иероглифа имени с добавлением уменьшительного суффикса.

10

Классическая народная опера, популярная еще со времен династии Мин (1368–1644).

11

Акрилонитрил бутадиен стирол, поливинил хлорид, поликарбонат, полифенил оксид, метил метакрилат.

12

Это цитата из семьдесят седьмой главы «Дао Дэ Цзин», философского трактата Лао-цзы, китайского мудреца, жившего в шестом веке до н. э.

Купить: https://telnovel.me/cyufan-_chen/musornyy-priboy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)